

К нам едет инквизитор

Автор:

Ханна Хаимович

К нам едет инквизитор

Ханна Хаимович

Колдовские миры

Спокойной жизни конец – в Город едет делегация инквизиторов. Они ищут опасную преступницу, и местные ведьмы должны помочь. Кристина идет по следу, но все четче понимает: в деле куда больше загадок, чем кажется на первый взгляд. Магические аномалии в буквальном смысле хватают за ноги, мотивы преступницы невозможно понять, а глава делегации что-то недоговаривает. Влюбиться в этого скрытного и вредного, но такого обаятельного типа? Ни за что!

Ханна Хаимович

К нам едет инквизитор

© Хаимович Х., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Кристина рассовала по карманам сумки поглотители магии и забросила ляжки на плечо. Потом открыла шкатулку на столе и поспешно надела заряженные перстни и подвески. Сборы заняли не больше минуты. Она сдернула с вешалки пальто и метнулась к двери.

Створка распахнулась за миг до того, как Кристина коснулась ручки.

– Куда вы? – с досадой поинтересовалась Лера, первая помощница. – У нас...

– Я знаю, что у нас. С рекламных плакатов сбегает персонажи. Хорошо, что ты пришла, позови наших, надо переловить, пока Город не превратился в цирк на выезде! – протараторила Кристина, стремительно шагая к лестнице. Ее кабинет в главном ведьмовском офисе располагался на третьем этаже, и когда она торопилась, то соблазн выйти через окно становился почти непреодолимым.

– Я слышала про плакаты! Стойте! – закричала Лера, бросаясь следом. Ее каблуки отстукивали бешеную чечетку, иногда сбиваясь, когда Лера спотыкалась. – Только отлов придется отложить! К нам едет инквизитор!

– Что? Новый инквизитор?

Кристина остановилась. Этого дня городской ковен ждал с опаской. Прежнего инквизитора, милейшую Раису Петровну, отозвали в столицу почти месяц назад. На ее место давно собирались назначить нового. Того, который не стал бы закрывать глаза на разные магические вольности. Неужели назначили?

– Тогда тем более я должна бежать, – сказала Кристина. По лестнице она начала спускаться прыжками, перескакивая через ступеньки. – Он же первый на меня нажалуется, если я не проконтролирую такой магический всплеск!

– Нет! Вы не так поняли! – Лера старалась не отставать. – Они требуют, чтобы вы их встретили! Там не только наш новый инквизитор! Там целая комиссия! С проверкой! Им нужно, чтобы вы стабилизировали место, где появится их портал!

– А чтоб их, – Кристина чертыхнулась, чуть не упала и остановилась у подножия лестницы. – Они тащатся сюда через портал? И я должна их встречать? – Она чуть не застонала, представив, сколько оживших рекламных человечков – и не

только человечков – успеют за это время разбежаться по Городу. А сколько дел успеют натворить – ой-ей!.. – Куда они выведут портал? Я встречу их хотя бы для того, чтобы прибить на месте!

– В семь, в холле, – сообщила Лера и добавила извиняющимся тоном: – В холле нашего офиса.

Кристина тяжело вздохнула, посмотрела на часы – без десяти семь вечера – и обвела взглядом холл. Тот самый холл офиса, откуда она даже не успела выйти.

– Стабилизирующие чары могут занять до часа, – уныло сказала она. – Значит, мы будем отлавливать рекламных чудиков до самого Нового года. Потому что за час они разбегутся по всем углам. – И она взглянула в узкое маленькое окно старого здания, за которым сгущался октябрьский вечер. – Лерка, ну ты-то чего стоишь?! Иди организовывай отлов, может, хоть кого-то поймаете!

Помощница ойкнула и унеслась собирать ведьм. А Кристина, ругаясь про себя, бросила сумку на диван, размяла пальцы и принялась ткать незримую стабилизирующую сеть.

Мироздание послушно сминалось, подчиняясь ее жестам. Вскоре пришлось прекратить ругаться, иначе не получалось сосредоточиться на чарах. Концентрация и правильные жесты – основа магии. Но порой ругательства все же проскакивали, потому что возмущение не утихало. Портал им подавай, видите ли! А ничего, что люди заняты? А если не найдется свободной ведьмы, чтобы его стабилизировать? Так и останется дыра между двумя городами, в которую начнет проваливаться все что ни попадя! В прошлый раз вон троллейбус посреди дороги провалился под асфальт. Раиса Петровна тогда замяла дело, все списали на неисправные трубы и размытую утечкой землю. Но ведьмы-то знали, что это был неудачный портал! Новенькая, Наташа, случайно открыла. Но ей простительно, она хоть не понимала, что делает, в ней магия только проснулась. А эти! Инквизиторы! Явно идея кого-то из столичного начальства!

Портал наконец вспыхнул и распахнулся посреди холла. Кристина скрестила руки на груди и скептически уставилась в него, ожидая гостей.

Их оказалось четверо. Один – пожилой, грузный, слегка обрюзгший, в дорогом костюме. Второй – помоложе, высокий, худощавый, черноволосый, в кожаной куртке и темно-серых джинсах. Этот был даже ничего... Третий – совершенно незаметный мужчина лет сорока, «офисного» вида. Кристина забыла его лицо, едва отвела взгляд. И четвертый – совсем молодой парень, похожий на студента, с волосами, выкрашенными в зеленый цвет.

Потом раздался лай.

Кристина изумленно моргнула, после чего запоздало возмутилась. Они что, притащили сюда собаку? Точнее, собак – лаяло не одно животное. Но инквизиторы тоже удивленно оглядывались.

За ними из портала высыпала целая свора дворняг. Рыжие с черным подпалом, лохматые помеси тумбочки и крокодила, черные, бежевые... По холлу разнесся оглушительный лай. «Офисный» инквизитор что-то сказал, подняв брови, но его никто не услышал. «Студент» бросился к двери и распахнул ее. Однако собаки не желали уходить. Обрюзгший съежился и выставил перед собой портфель, когда самая большая псина начала его обнюхивать. «Студент», не растерявшись, принялся выпихивать собак в дверь. Он аккуратно подталкивал их руками под зад. Смотрелось это, конечно, уморительно. Но официальная встреча делегации инквизиторов стремительно летела... примерно туда же. В направлении виляющих собачьих хвостов.

«Кожаный» инквизитор сделал жест левой рукой, и в холле воцарилась тишина. Она оглушала не меньше лая. Псы раскрывали пасти, но оттуда не вырывалось ни звука.

– Что это значит? – агрессивно поинтересовалась Кристина. – Ваша живность?

– Не наша, – ответил «кожаный». Голос у него оказался негромким и каким-то бесцветным, хотя все нужные интонации в нем присутствовали. – Они появились при открытии портала. А еще, если вы заметили, все эти животные женского пола.

Кристина моргнула и уставилась на собачьи животы. Ну да, так и есть...

– И что?

– Скорее всего, имела место стихийная материализация, – все так же спокойно сообщил «кожаный». Но теперь казалось, что он тщательно прячет улыбку. – Такое бывает, знаете, когда вы плетете чары, но отвлекаетесь... Тогда может материализоваться то, о чем вы думали или что именовали. Признайтесь, госпожа ведьма, вы ругались? Мы, видно, отвлекли вас от важных дел? И вы ткали стабилизирующие чары, постоянно поминая недобрым словом, гм, самку собаки?

Кристина зажмурилась. Потом распахнула глаза и пошла в атаку.

– Разумеется, ругалась! Конечно, отвлекли! Мы работаем, у нас не так много времени, чтобы тратить его на ваши порталы! Почему было не приехать на машине?

– Мы тоже работаем, – оскорбленно сказал обрюзгший. На его лице застыла смертельная обида. – И обстоятельства так же властны над нами, как и над всеми, поэтому, когда они диктуют свои условия...

– Семен Никитич имеет в виду, что машина сломалась, – перевел «кожаный». – С автомобилями, выпущенными полвека назад, это иногда случается.

– Инквизиция не так богата, чтобы покупать новые иномарки, – склочно огрызнулся Семен Никитич. Наверное, видел машины ведьм на парковке. – Да уберет кто-то этих с... собак или нет?

Еще одна упитанная псина обнюхивала его с каким-то гастрономическим интересом. Опомившись, Кристина начала ткать простенькие чары, отпугивающие животных.

– Но вам никто не мешает тоже завести бизнес, – пробормотала она. Собаки устремились к двери. – Бизнес у нас с колдовством никак не связан, он просто помогает ни в чем не нуждаться. Железобетонные изделия выпускаем, электрокабели, сеть закусовых держим... да...

– Не положено, – буркнул Семен Никитич.

Собаки наконец покинули холл, оставив после себя несколько ароматных лужиц. Убрав их, Кристина снова вздохнула. Настала пора приступать к обязанностям хозяйки города.

– Поднимемся в мой кабинет, – сказала она. – Надеюсь, вы поведаете, какие дела привели к нам не одного инквизитора, а целую делегацию.

* * *

Кофе для гостей пришлось делать самостоятельно. Все ведьмы из офиса, даже секретарша Лина, были брошены на ловлю рекламных персонажей. Сидя за столом и бездельничая, Кристина остро чувствовала, как безнадежно убегает время.

– Меня зовут Семен Никитич Муравьев, я глава регионального управления инквизиции, – представился обрюзгший. – Вообще-то делегацией руковожу я, но...

Он замялся и, скривившись, покосился на «кожаного».

– Но в этом городе главой инквизиции становлюсь я, – пояснил тот. – Стефан Лещинский, ваш новый инквизитор, госпожа... м-м... Тернова, кажется?

– Кристина Тернова, – спохватилась она, с любопытством разглядывая того, кому предстояло заменить незаменимую Раису Петровну. Нет, симпатичный, определенно. Черты лица строгие и тонкие, даже аристократические, глаза серые, но такие светлые, что контраст с черными волосами немного пугает. И вежливый. Могло быть и хуже. Кристина протянула руку для протокольного поцелуя, и Лещинский коснулся ее сухими теплыми губами.

– А в старые времена принято было целовать ведьме-хозяйке колено, – задумчиво заметил он. – Вспомнилось отчего-то...

И отпустил ее руку. Кристина невольно взглянула на свои брюки.

– Да, сейчас неудобно, – согласился Лещинский. – Так вот. Это, – он кивнул на «офисного», – наш адвокат, Игорь Игоревич. Фамилию называть не станем, она

предназначена для устрашения противников. И, наконец, Аль Яржинов.

«Студент» нахально отсалютовал чашкой кофе.

– Специалист по выявлению и инициации непроявленных магов.

– Очень приятно, – сказала Кристина. – И что привело столь ценных специалистов в наш город?

– Мы разыскиваем преступницу, – ничего не выражающим тоном сказал Лещинский. – Есть основания считать, что она скрывается у вас.

Его рука медленно потянулась к лицу, длинные сухощавые пальцы сжали переносицу, точно у инквизитора заболела голова. Семен Никитич странно хмыкнул – злорадно, что ли?

Блеснул тяжелый перстень-печатка. Кристина впервые обратила на него внимание – и застыла. Высший. Такие печатки носили только высшие инквизиторы. Не те клоуны-чиновники, которые занимались повседневными делами Центрального управления инквизиции в столице и в областях, а другие. Те, кто что-то решал. От кого зависели и чиновники, и этот Семен Никитич... и все законы магического мира!

Вот только высшие инквизиторы не посещали провинциальные городишки в поисках ведьм-преступниц. Во всяком случае, по доброй воле... Сослали его сюда, что ли? Сам натворил что-то, что ставило его на одну доску с разыскиваемой? Других причин, почему он мог здесь оказаться, Кристина не видела.

Она присмотрелась к печатке, пытаясь разобрать символ. Символ обозначал профиль высшего. Законоположник, экзекутор, антимагистр или...

Лещинский поднял голову и перехватил ее взгляд.

– Экзекутор, – подсказал он. Весь его вид ясно давал понять, что нечего и пытаться спрашивать, каким ветром высшего занесло в провинцию. – Насколько близко вы общаетесь с главой городской ложи колдунов? Какие новички у них

появлялись в последнее время?

– Не так быстро! – вскинула ладони Кристина. – И вообще, вы же преступницу ищете, при чем здесь колдуны?

Ложа была сугубо мужской компанией. Так уж повелось, что в каждом городе было две магические организации. Ковен, в котором состояли женщины, и ложа, где числились исключительно мужчины. Все делали общее дело, защищали города от магических аномалий и держали равновесие, но подчинялись каждый своему начальству.

– К ним мог внедриться ее сообщник, – сказал Лещинский. – Будьте добры, дайте мне контакты главы ложи.

Кристина безропотно достала из ящика стола визитку Лешки Змеева, возглавлявшего компанию местных колдунов, и протянула инквизитору. Потом с любопытством прищурилась:

– А сама преступница не могла внедриться к нам?

Семен Никитич снова гнусно рассмеялся. Ну точно как школьница, злорадствующая, что соперницу вызвали к доске!

– Внедриться к вам – не могла. – Лещинский проигнорировал ужимки недавнего начальства. – Но мы обыщем Город, и вы нам в этом поможете. Искать нужно в местах, где за последнюю неделю происходили магические аномалии. У вас были аномалии?

Смотря что считать аномалиями... Кристина решила промолчать о массовом бегстве рекламных персонажей с плакатов. За такую аномалию, чего доброго, еще по шапке дадут. Да и зачем бы преступнице устраивать подобную ерунду? А вот пару мелких, районных, можно было и выдать.

– А что она сделала? И вообще, кто она – ведьма?

Глупый вопрос. Конечно, ведьма. Инквизиторы были кем-то вроде магической полиции и правительства в одном флаконе. Следили, чтобы колдуны и ведьмы

не нарушали закон, карали виноватых, защищали остальных. Берегли существование магии от огласки. Вместе с ведьмами и колдунами разрабатывали новые правила обитания среди простых людей. Значит, преступница могла быть только ведьмой. Тогда вдвойне странно, что она проникла в Город без ведома Кристины.

– Она глава секты, известной как «Знак Гефея», – ответил Лещинский. – Подробности их действий мы не разглашаем. Напомню, любой ковен и любая ложа обязаны оказывать содействие...

– Будет вам содействие, – с досадой перебила Кристина. – Только если мы не знаем, чего ждать от преступницы, как мы вам поможем? Это такой большой секрет? Или... – Она усмехнулась от неожиданной догадки. – Или, может, вы сами не знаете, чего от нее ждать?

– Не совсем. – Лещинский тяжело вздохнул. – Скажем так: на ее совести несколько серьезных нарушений, а в вашем городе она может попытаться пробудить его суть.

Он не обратил ни малейшего внимания на рожи, которые усиленно корчил Семен Никитич. Главе регионального управления инквизиции не нравилось, что ведьмам хоть что-то рассказывают. Но высший, даже опальный, наверное, мог себе позволить не считаться с ним.

– Пробудить суть города... Его душу, вы хотели сказать? – Кристина вытаращила глаза. – Но душа города – это легенда!

Да, у каждого населенного пункта имелось нечто вроде магического средоточия. Оно было нематериальным, но все маги ощущали его действие. В просторечии так и говорили: город назначает ведьму-хозяйку, город наделяет магией, город дает силы. А вот душа, разум, как это ни назови... Душа города оставалась красивой легендой. Сказкой о том, что однажды на улице можно встретить обычного с виду парня или девушку, и это окажется город собственной персоной.

– И тем не менее ей и другим участникам секты уже удавалось кое-что сделать, – ответил Лещинский. Теперь он то и дело потирал переносицу, будто один только разговор о преступнице вызывал у него приступы мигрени. – Для

вашей безопасности и безопасности расследования мы пока ничего больше не раскроем. Как именно сектанты воплощают душу города, какие используют чары и какие методы воздействия, мы тоже не знаем. Известно только, что их магия оставляет следы в виде аномалий. Не игнорируйте их. – Он посмотрел Кристине в глаза так, словно знал, что она о чем-то умалчивает. – Как только произойдет магический сбой, как только тонкий мир поведет себя не так, как должен, – сразу сообщайте мне или кому-то из нас. Наши номера мы вам оставим.

Он выудил из кармана слегка поцарапанный черный смартфон, коснулся экрана. Самсунг, причем не самая новая модель. А вот у Семена Никитича оказался айфон, и Кристина фыркнула про себя.

Она думала об услышанном. Все непонятнее и непонятнее. Ведьма хочет воплотить душу города? Ведьма это умеет и уже делала? Тогда почему ее до сих пор не поймали? Почему инквизиторы столько знают о ней, но она все еще на свободе? Эта секта так сильна или дело в чем-то еще? А если она так сильна, почему оставляет следы? И зачем, в конце концов, сектантам понадобилась ожившая душа города?

Ладно. На все эти вопросы рано или поздно найдутся ответы. Пока что, кажется, инквизиторы не собираются делать ничего плохого и...

– И еще мне нужны контакты всех сильнейших ведьм и колдунов Города, – сказал Лещинский, когда они обменялись номерами телефонов. – Нам придется провести ритуал, ограничивающий магию. Иначе мы никогда никого не поймаем.

Ограничивающий магию? Что?!

Глава 2

– Что значит «ограничивающий»? – не хуже змеи зашипела Кристина. – Чтоб вам провалиться! Я же согласилась вам помогать! Какого черта лишать магии целый город?!

Лещинский досадливо поморщился. Семен Никитич не сдерживался – пробурчал: «Да хватит разводить разговоры, они обязаны делать, как мы говорим!» Кристина понимала, что он прав, но от этого делалось тошно. Ведьмы и колдуны не могли послушаться обоснованных приказов инквизиции. Сейчас приказ был обоснован интересами следствия. Наверное. Теоретически ведьма могла черпать силу из магического сердца города, но ограничивать из-за этого всех?

– Кристина, – в невыразительном голосе Лещинского прорезались извиняющиеся нотки. – Преступница способна воплотить душу города. Конечно, она сумеет и питаться здешней магией. Мы не собираемся блокировать источник полностью. Но обязаны ограничить его возможности. Если Город оживет стараниями сектантов... одним словом, никому бы не пожелал это увидеть.

Он спокойно увещевал Кристину и говорил разумные вещи, но она все равно не сразу смогла успокоиться. Ограничение магии! Это значило вдвое или втрое меньше возможностей! И без того придется еще месяц ловить рекламных персонажей и возвращать их на плакаты! Как, интересно, инквизиторы предлагают делать это без магии?

– С чего вы вообще взяли, что она здесь? – зло спросила Кристина. – Эта ваша преступница. Ищите ее где-то в другом месте и не мешайте нам работать.

«Студент» Яржинов почему-то одобрительно хмыкнул, а Семен Никитич снова пробурчал что-то нелестное. Лицо Лещинского осталось непроницаемым. Хотя, казалось, он немного помрачнел.

– Она здесь. У нас были... скажем, информаторы, которые помогали ее отслеживать.

– И куда они делись? Вы и им ограничили магию?

– Нет. Они перешли на сторону секты. Большинство ее противников, тех, кто помогает инквизиции, тех, кто ее преследует... почти все рано или поздно начинают подыгрывать сектантам. Поэтому я настаиваю, чтобы вы знали как можно меньше! – К концу тирады Лещинский говорил уже с каким-то остервенением. Он не смотрел на Кристину, пальцы с переносицы переместились на виски и с силой сжали их. – И настаиваю, чтобы не пытались задержать преступницу сами! Просто сообщайте нам обо всех аномалиях и

перетерпите ограничения магии! Больше от вас ничего не требуется.

– Ладно, ладно... – обескураженно пробормотала она.

Дело ведьмы на глазах обрастало новыми странными подробностями. Кем нужно быть, чтобы склонять на свою сторону даже преследователей? Владеть чарами соблазна? Или так хорошо уметь убеждать?

– Так, может, сектанты правы? – не удержалась Кристина. – Во что они верят? Должны же они отстаивать какую-то идею? Вы не думали, что она правильная?

Яржинов снова хохотнул, а Семен Никитич невнятно ругнулся. Только Игорь Игоревич сидел как истукан.

– Уверяю вас, обо всем, о чем можно, мы уже давно подумали, – сквозь зубы ответил Лещинский.

Кристина вздохнула. Конечно, кто бы сомневался. На что она надеялась – что инквизиция сейчас возьмет и признает свою неправоту? Если эта неправота была... Теперь стало еще любопытнее, чего добивались сектанты. И что мешает об этом рассказать?

– А вас четверых эта ведьма не перевербует?

– У инквизиции иммунитет, – отмахнулся Лещинский.

– Все равно я должна хотя бы увидеть ее фотографию, – сказала Кристина безнадежно, понимая, что ничего не сможет поделаться. Ни избежать ограничения магии, ни избавиться от инквизиторов в ближайшие недели. – И как ее зовут?

– Марианна. – Показалось или голос Лещинского самую чуточку дрогнул? – Марианна Бойко. Фото я вам вышлю, только учтите, не нужно быть ведьмой, чтобы изменить внешность до неузнаваемости.

Он уткнулся в телефон. Кристина ждала с возрастающим нетерпением. Она понимала, что преобразиться до неузнаваемости способна даже школьница, лишенная магии, но почему-то стало крайне важно своими глазами увидеть, как

выглядит эта опасная ведьма. Марианна Бойко... Имя не подходило к фамилии. Слишком утонченное для нее, оно казалось нелепым и претенциозным. Родители тоже хороши, могли бы назвать дочь Марьяной или Мариной, и уже звучало бы более гармонично. Хотя это могла быть фамилия мужа. А если девичья, то и такое легко поправимо. Выйди Марианна замуж, скажем, за того же Лещинского...

Кристина сдавленно хихикнула. С чего она вообще начала об этом думать? Уж не испугалась ли сектантов на своей территории?

Вайбер пискнул, возвещая о новом сообщении. Кристина жадно впиалась глазами в фото.

Марианна Бойко оказалась молодой и эффектной натуральной блондинкой. Светлые волосы лежали красивыми волнами, полные губы слегка улыбались, но улыбка оставалась жесткой, холодной, недоброй. Холодно смотрели и зеленые глаза в обрамлении густых ресниц. Над верхней губой поблескивал шарик пирсинга. Ведьма не позировала, кто-то заснял ее неожиданно, вполоборота, по грудь. Грудь казалась пышной, будто Марианна засунула под свитер подушку. А вот свитер был скромным и макияж тоже неярким. Опасная ведьма не выглядела роковой соблазнительницей.

– Спасибо, – пробормотала Кристина, переваривая впечатления. Хотя она знала, что еще не раз будет разглядывать это фото и думать над загадками, которые Лещинский рассыпал перед ней щедрой рукой. – А кто ее сообщник? Который внедриться мог, вы говорили...

– Вы не поняли? – недовольно ответил Семен Никитич. – Сообщником может стать кто угодно! Вас не зря спрашивали, насколько близко вы общаетесь с главой ложи! Не факт, что секта до него еще не добралась!

До Лешки?! Кристина вздрогнула, по спине побежал холодок. Она поспешно закрыла фотографию, будто ведьма могла с картинки услышать, что о ней говорят.

– Теперь поняла, – медленно произнесла она. – Теперь поняла...

Воцарилось молчание. Каждый думал о своем. Кристина переваривала услышанное и судорожно пыталась выстроить планы на вечер. Ловить рекламных чудиков? Поговорить с Лешкой, чтобы проверить, не попал ли он в сети секты? Пообщаться с кем-то и другими магическими существами, которые могли что-нибудь заметить?

– Вы что-то еще собираетесь делать? – спросила она, так ничего и не решив. – Моя помощница сказала, что вы едете с проверкой...

– Нет. Только искать преступницу и следы других сектантов, – ответил Семен Никитич и встал. – Уже поздно, дайте нам адрес гостиницы, в которой есть бесплатный резерв для командировочных. А завтра мы приступим к полноценному расследованию и проведем ограничительный ритуал.

Кристина взглянула на часы. И правда, время подбиралось к девяти вечера. Внизу хлопали двери – наверное, ведьмы уже вернулись с отлова рекламных чудиков. Лещинский еще некоторое время посидел, сжимая пальцами виски, а потом поднялся вслед за всеми. Кристине все сильнее казалось, что он какой-то примороженный. Что-то говорит, делает, но все это – как сквозь толстый слой льда. И голос оттого бесцветный, и выражение лица не прочесть. И там, под этой ледяной коркой, ему приходится несладко, иначе не проявлял бы слабость и не тянулся бы к вискам под ядовитым взглядом Семена Никитича.

В Городе действительно была гостиница, с которой региональное управление инквизиции заключило договор. По договору приезжим инквизиторам предоставлялись бесплатные номера на любой срок. Кристина злорадно захихикала про себя, представив, каким будет лицо Семена Никитича, когда он увидит эти номера.

– Четыре одноместных? – вежливо спросила она. – Или два двухместных?

– Адрес, – проскрежетал Семен Никитич. – Сами разберемся.

– Гостиница «Речная», на набережной, – услужливо сообщила Кристина. – Улица Набережная, дом сорок.

«Речная» встречала гостей у съезда с центрального моста. Обшарпанный, покрытый пятнами фасад, который в последний раз красили году в

восьмидесятом, навевал смутные ассоциации с фильмами о войне. Из окон открывался обширный вид на плавающие в воде пластиковые бутылки и упаковки из-под чипсов.

- На набережной? - возмутился Семен Никитич. - Там же комаров полно!

Кристина лишь развела руками. Не знаю, мол, я ни при чем, региональное управление само выбирало...

- Да ладно, уже осень, - лениво сказал Яржинов.

Кристина прошла к двери и ненавязчиво открыла ее. Авось инквизиторы выметутся сами, как те собаки из холла.

По коридору сновали ведьмы. Ждали, когда начальница освободится. Кристина лично проводила инквизиторов до выхода и толкнула дверь, но Лещинский опередил ее. Одним неуловимым движением оказавшись впереди, он сам распахнул дверь - то ли перед дамой, то ли перед начальством. Лучше бы перед дамой. Воспитанный инквизитор - меньше проблем.

- И как добраться до этой «Речной»? - поинтересовался Семен Никитич, брезгливо поджимая губы.

- А вы не на такси? - Кристина слегка опешила. - Остановка маршрутки там. Вам нужен номер сто первый. Если маршрутка - это дорого... то ничего не поделаешь. Троллейбусы по набережной не ходят.

Яржинов закашлялся, пряча смешок. Даже Игорь Игоревич ухмыльнулся. Видимо, прижимистость начальства успела основательно надоест всем.

Семен Никитич смотрел туда, куда ему указывали. И в глазах его плескался... страх?

- Может, хоть теперь уберете собак? - почти жалобно попросил он. Кристина пригляделась - и ахнула.

Собаки, так опрометчиво наколдованные ею, никуда не ушли. Они расселись под кустами живой изгороди по периметру двора и таращились на людей широко раскрытыми глазищами. Вот черт, и что с ними теперь делать? Воплощенное не развоплотишь, так гласил закон магии! Кристина ругнулась про себя. Придется звонить в городской приют для животных... А там, как всегда, нет мест... Значит, придется оплатить постройку вольеров, прокорм этих псин, прививки, стерилизацию и содержание до тех пор, пока им не найдут хозяев. Как иногда тяжело быть доброй ведьмой! Остановила бы собакам сердца – и нет проблемы. Определенно тяжело быть доброй ведьмой...

– Они не кусаются, – сказала Кристина. – Видите, какие смирененькие. Идите спокойно.

Скрипнув зубами, Семен Никитич начал осторожно, бочком продвигаться к выходу из двора на проспект. За ним последовали Яржинов и Игорь Игоревич. Кристина осталась в обществе Лещинского.

– А вы не идете? – спросила она.

– Не в «Речную». Потерпите еще немного, – отозвался тот, извлекая телефон. Наверное, собирался найти отель попримичнее. Значит, у высшего инквизитора, в отличие от господ из регионального управления, водились деньги. Стоп, он сказал «потерпите»? Вот черт, а Кристине-то казалось, что она общалась в нейтральном тоне. А оказывается, ее нежелание видеть всю эту компанию ни от кого не укрылось...

Она уже хотела извиниться или промямлить что-нибудь примирительное, как вдруг что-то полыхнуло у самой земли.

Вздрагнув, Кристина присмотрелась. После первой вспышки по асфальту рассыпалась целая горсть мелких огоньков. Еще через мгновение стало ясно, что это отблески.

И что играют они на блестящих конфетных обертках.

И что конфеты, завернутые в сверкающие золотом и серебром фантики, величиной с хороший арбуз каждая. И что они не лежат на земле, а двигаются!

Глаза привыкали к темноте. Кристина разглядела тоненькие ручки-веточки и ножки-палочки. А еще... а еще раскрытые рты и узкие щелочки глаз!

– Я шоколадка! Внутри помадка! Со мною сладко лежать в кроватке! – грянул многоголосый хор.

Кристина в ужасе зажмурилась. А она-то надеялась, что ведьмы переловили хотя бы самых буйных рекламных чудиков! Не переловили. Мало того – теперь пришельцы с билбордов и плакатов явились прямо во двор офиса. Во двор, в котором все еще стоял инквизитор!

Кристина опасливо покосилась на него. Лещинский разглядывал поющие и пляшущие конфеты как невероятную диковину. Он даже ожил, избавившись от своего замороженного выражения лица. И смеялся, негодая!

План скрыть от инквизиции массовый побег рекламных чудиков накрылся медным тазом...

Тяжело вздохнув, Кристина принялась жестами ткать чары. Ряды конфет стали редеть. Одна за другой они срывались с места и сверкающими кометами уносились в сторону проспекта. Там, похоже, висели плакаты с рекламой какой-то кондитерской фабрики.

С последней конфетой пришлось повозиться. Она почему-то не реагировала на магию. Кристина раз за разом повторяла узор, подкрепляя его ментальным приказом, а огромный шоколадный мяч в серебряной обертке по-прежнему нагло прыгал и приплясывал, распевая истошным голосом:

– Я шоколадка! Внутри помадка!

Кристина буквально швырнула в нее новый ментальный приказ, и конфету наконец сдуло. Воцарилась звенящая тишина.

– Спасибо, что не взрывчатка, – пробормотал Лещинский. Потом повернулся к Кристине, и она нервно вцепилась в отвороты карманов плаща. – Я так понимаю, это аномалия, о которой вы умолчали, да?

Она кивнула. Смысла отпираться уже не было.

Лещинский снова негромко рассмеялся.

– И в чем она заключается? Что... вернее, кто это был?

– Персонажи рекламы, – нехотя призналась Кристина. – Буквально сегодня сбежали. Если бы не вы с вашим порталом, мы бы сразу же их переловили! – Она вскинула голову, готовая защищаться. Но защищаться не пришлось.

– И почему вы решили это скрыть? – напрямик спросил Лещинский.

Ну и что ему ответить? Что проще скрыть аномалию, чем писать бесконечные объяснительные, отчеты о том, как продвигается устранение, и прочие бумажки? Что инквизиция потом покоя не даст, катаясь в Город с инспекциями?

– Ладно, можете не отвечать, – махнул рукой Лещинский. – Если боитесь, что Семен Никитич вцепится в вас с проверками, не говорите ему. А меня бояться не нужно. Сейчас главное – найти преступницу. А потом... Торжественно вам обещаю, что как ваш новый инквизитор не буду требовать никакой бюрократии. – Он помолчал и с легким вздохом добавил: – Если доживу.

Кристина заморгала. Ему хотелось верить. А Городу, похоже, достался второй подряд понимающий инквизитор, готовый пойти навстречу, а не изводить ведьм бесконечными придирками. Хотя раз он сказал «если доживу»... значит, по закону подлости обязательно умрет. В ближайшее же время. И оставит Город на растерзание Семенам Никитичам.

Она вздрогнула, не сразу осознав серьезность положения. Потом быстро переспросила:

– А что с вами может случиться? Эта секта так опасна?

– Нет-нет! – Лещинский уже явственно жалел о сказанном. – То есть она опасна, конечно, вам стоит остерегаться, но мне... неважно. Забудьте.

– Если вам нужно лечебное зелье или... – начала Кристина, но тут дверь холла распахнулась.

– Вы там скоро? – крикнула Лера. – Кристина Сергеевна, мы вас ждем, вернулись за подмогой, они там...

Она осеклась, увидев инквизитора. Тот, весь в темном, сливался с ночными тенями. Кристина вздохнула.

– Хотите прямо сейчас посмотреть на аномалию? – спросила она у него. – Тогда пойдете с нами.

Лещинский кивнул и зашагал за ней в холл.

В конце концов, скрывать от него аномалию было уже поздно. А когда еще появится такой случай выяснить, что новенький собой представляет в деле? Пусть помогает. Если ведьмы вернулись за подмогой, значит, в Городе что-то действительно серьезное.

Глава 3

В холле собрались с десяток ведьм. Не успела дверь закрыться, как донеслось мяуканье. Кристина начала озираться, но Лера тут же замельтешила, засуетилась и заверещала, перекрикивая любую кошку:

– Кристина Сергеевна! Они засели возле «Дефиле»! Там ужас что делается! В центре города коллапс!

Если Лера вспомнила умное слово «коллапс», значит, дела и впрямь неважные. «Дефиле» было модным торговым центром на главном проспекте. Пятница, вечер... Мать-магия, сколько же народу увидело, что творится что-то необычное! Завтра обитатели рекламы будут во всех газетах!

– Они пока хулиганят только, – поспешно добавила Лера. – Засели на крыше «Дефиле», понимаете, там надо с воздуха зайти и сразу обратные чары

набросить, а мы не успеваем, силы не хватает! А они наши летательные коврики обстреливают... то есть бомбят...

– Воздушный бой, – прокомментировал Лещинский. – Дамы, кто бы там ни засел на крыше, отвлеките его. Кристина...

Она кивнула, не дослушав. И так ясно было, что он предложит – накрыть распоясавшихся созданий с воздуха. Ей уже не терпелось добраться до них. И увидеть наконец, что там происходит!

– До главпочтамта долетим, дальше пешком, – сказала Лера другой ведьме, направляясь к двери. Потом оглянулась. – Кристина Сергеевна, вы там поосторожней! Смотрите, чтобы они в вас не попали!

– А из чего стреляют? – крикнула вслед Кристина, но ведьмы уже выскочили во двор. В руках они держали кто швабру, кто офисный стул, кто уличную урну с логотипом кандидата в мэры Города...

– У вас летают на урнах? – предельно вежливо поинтересовался Лещинский.

– Вообще-то нет, но если время поджимает, приходится, – невнятно буркнула Кристина. Она судорожно искала, какой предмет интерьера можно было приспособить для полетов, но ничего не находила. Диван? Кресло? Медленные и плохо маневрируют. Горшок с пальмой? Вообще маневренности никакой. И чем тяжелее предмет, тем медленнее он будет передвигаться... А, ладно! Возьмем пример с Хоттабыча!

Она сдернула с дивана чехол и встряхнула его. На пол свалилась сумка с поглотителями магии, брошенная в холле, когда прибыли инквизиторы. Кристина подхватила ее и бросилась на улицу.

Решимости ей было не занимать. Магия это чувствовала. Поэтому чехол, повинувшись движениям пальцев, почти сразу расправился и завис в воздухе. Бордовый вельвет в два слоя натянулся, теряя сходство с тканью, теперь он напоминал широкую и надежную доску. Кристина удовлетворенно кивнула.

– Полагаете, удобнее летать сверху, а не внутри? – поинтересовался бесшумно подкравшийся Лещинский.

– Внутри чехла, как в мешке? Это у вас так в Высшем Круге летают, да? – фыркнула Кристина и запрыгнула на доску. Та не прогнулась ни на миллиметр. Отлично.

Лещинский запрыгнул следом. Свет из окон офиса упал на его руку, и Кристина заметила на тыльной стороне ладони пятно сажи. А под ним, кажется, ожог... Она изумленно заморгала.

– На меня сейчас кое-кто напал, – весело хмыкнул Лещинский. – Удивлены? Это не вы поселили в холле одно мелкое и недружелюбное создание? Ладно, тогда потом сами увидите, полетели!

«Многовато развелось недружелюбных созданий», – подумала Кристина и выбросила эту странность из головы. Будь там что-то опасное, инквизитор бы сообщил.

– Держитесь за меня, – на всякий случай предупредила она. Поджала под себя ноги, подползла поближе к краю чехла и взялась за него обеими руками, приподнимая и задавая направление.

Кусок вельвета, превратившийся в доску, сорвался с места и ракетой понесся вперед и вверх.

До «Дефиле» было километров шесть по прямой. Но приходилось перемещаться зигзагами, избегая людных мест. Потом Кристина поднялась повыше и вздохнула с облегчением. Теперь увидеть их с земли можно было, лишь очень хорошо постаравшись. Пару раз она нервно оглядывалась на инквизитора. Тот подозрительно молчал, и Кристине постоянно казалось, что он рухнул вниз. Но он сидел, вольготно вытянув ноги, и наслаждался полетом. Обычно она и сама любила летать, но не в такой спешке и не в таких обстоятельствах.

– Не волнуйтесь, я здесь, – улыбнулся Лещинский, когда Кристина оглянулась в третий раз. Потом легко положил руку ей на талию.

Нетрудно было представить, что он не держится, чтобы не упасть, а просто обнимает ее... Ну да, и они направляются полюбоваться звездами и видами ночного города. Чадающими трубами, облезлыми многоэтажками и разбитыми фонарями. Кристина прибавила скорости.

Заложив последний вираж, чехол вылетел к центральному проспекту. Каменная громада «Дефиле» оказалась совсем рядом.

Кристина застыла.

Центр Города утопал в пышных кремовых облаках.

Настоящих, чтоб им провалиться, кремовых облаках!

Огромная масса розового крема из белков и взбитых сливок облепила «Дефиле», придавая сходство с гигантским тортом. Крем покрывал тротуары и проезжую часть, так что немногочисленные прохожие, которые еще не разбежались, брели по пояс в воздушной массе. От машин оставались только крыши. Они плыли как баржи, включив дальний свет. Подсвеченные изнутри взбитые клубы смахивали на огненное зарево.

А крем все прибывал.

На крыше «Дефиле», у самого края, стояла хрупкая девушка в розовом платье. В руках она держала... волшебную палочку. И с каждым взмахом палочки в воздухе появлялось новое огромное облако крема!

Шлеп! – облако обрушилось прямо на ведьм, которые что-то кричали у входа в «Дефиле» и размахивали руками. Шлеп! – кремовая шапка залепила стекла снегоочистителя, подкрадывавшегося со стороны проспекта. Городские власти уже узнали о чрезвычайной ситуации и пытались расчистить дорогу от крема тяжелой техникой. Как не вовремя!

Новый взмах палочкой – и со стороны снегоочистителя донесся отборный мат. Вся массивная машина, от ковша до колес, превратилась в густую кремовую массу. Посреди нее барахтался водитель. Девушка с крыши нацелила на него палочку.

– Кондитерская «Фея», – злобно пропыхтела Кристина. – Креативщики фиговы!

Фея, сбежавшая с вывески кондитерской, принялась озираться, будто что-то услышала. Пользуясь этим, водитель снегоуборочной машины вскочил и нырнул в покрывающие дорогу пушистые облака. Кристина поспешно направила чехол вниз, скрываясь из поля зрения.

– Гадость кружевная, – буркнула Кристина. Потом повернулась к инквизитору. – Значит, так, пока она не сбита нас этим кремом, действуем одновременно. Вы бросаете в нее поглотители магии, а я тем временем плету заклинания.

Она принялась рыться в сумке, вынимая кругляши поглотителей. Те напоминали крупную гальку и мгновенно вытягивали излишки магии из предметов и магических существ.

– Кружевная гадость. Звучит поэтично, – прокомментировал Лещинский, медленно убирая руку. – Вы боретесь с ними с помощью поглотителей?

– Сейчас да, – вскинула голову Кристина. – Нужно ненадолго остановить эту... поэтичную гадость, и я успею сплести возвратные чары. Если ее не задержать, она и нас превратит в пародию на торт!

– Тогда оставьте в покое эти штуки, все равно я промахнусь. Я сам ее нейтрализую. – Лещинский покосился на перетекающую через край крыши массу крема. пышная сладкая лавина обрушилась на тротуар.

– Точно, – пробормотала Кристина, опуская сумку. Она и забыла, что инквизиторы владели антимагией не хуже, чем обычными чарами. Иначе не поймали бы и половины магов-преступников. – Тогда... готовы? Летим.

Она швырнула «ковер-самолет» вверх. А потом, едва тот приподнялся над уровнем крыши, – сразу вперед.

Лещинский и фея атаковали одновременно. Инквизитор перегнулся через край чехла и выбросил руку перед собой, будто отправляя в фею что-то невидимое. И в ту же секунду она взмахнула палочкой. Вблизи волшебная палочка соперничала размером с бейсбольной битой. И орудовала фея ею тоже как

битой. Замахнулась изо всех сил, с кончика сорвался сноп искр... и бита замерла в высшей точке. Но было уже поздно.

Сноп искр превратился в облако жирного желтого крема. И всем своим весом обрушился на «ковер-самолет»!

«Хорошо, что невысоко поднялись», – успела подумать Кристина, прежде чем ее прибило к крыше. Чувство было такое, будто сверху свалилась гигантская перина. Ее поволокло, перевернуло, в нос, глаза и рот забился крем, заставляя судорожно чихать и откашливаться. Глаза заслезились, как от едкого-едкого мыла. Кристина, забыв обо всем, потянулась к ним руками, и тут гравитация поймала ее своей неумолимой хваткой.

Все еще яростно растирая глаза, Кристина рухнула на спину. Мгновение спустя что-то ударило в плечо. Она поморгала – и увидела лицо Лещинского совсем рядом со своим. Он свалился сверху и навис над ней, опираясь на полусогнутые руки. Потом растерянно, как в трансе, облизнулся, глотая крем.

– Мне нравится ваш город... – выдохнул он и откатился в сторону. Горы крема окутали его, как куклу вуду, упрятанную в вату. Кристина осторожно приподнялась.

Что ж, сработал он отменно. Фея с битой не двигалась. Это был уже не живой человек, а тонкая бумажная фигурка, невесть как держащаяся вертикально. Магия ушла из нее, рекламный персонаж снова стал рекламным персонажем. Куском бумаги, отклеившимся от плаката у входа в кондитерскую.

– Не расслабляйтесь, – сказала Кристина. – Вам, как инквизитору, еще следы замечать.

Донесшийся снизу обреченный стон оповестил, что Лещинский проникся масштабом предстоящих работ. Она пнула ногой сладкую массу.

Пара движений руки, простенький магический узор – и фея бесследно исчезла. Остались только сугробы из взбитых сливок и яичных белков. Снизу доносились возгласы. Кто-то ругался, кто-то на одной ноте повторял: «Офигеть! Офигеть!» Щелкали камеры телефонов.

Во рту поселилась омерзительная химическая сладость. По колени утопая в креме, Кристина добралась до небольшого бортика и выглянула вниз, на центральную площадь.

Ведьмы были там – втолковывали что-то стремительно увеличивающейся толпе. Ежесекундно полыхали вспышки. Нужно было срочно что-то делать. Такое даже аварией на кондитерской фабрике не объяснишь – нет в центре города кондитерских фабрик! Только пресловутая «Фея», закупающая пирожные и торты у рукастых надомников в пригороде и продающая втридорога под видом французской выпечки.

Кристина оглянулась в поисках инквизитора и поняла, что потеряла его. Он скрылся в глубине кремowych сугробов. Уснул он там, что ли? Нашел время!

– Стефан... простите, как вас по отчеству? – позвала она. – Не поможете?

– Просто Стефан, – откликнулся тот, восставая из крема, как взъерошенная Афродита в кожаной куртке из пены морской. – Сейчас... Этот состав магического происхождения. Может, подействует...

Он поднял руки и медленно повел ими перед собой в простом антимагическом жесте. Антимагия не требовала узоров, не требовала сложных и долгих плетений. Она просто стирала с лица земли. Развеивала навеянное, развоплощала воплощенное, уничтожала плоды чар. Жаль, этому не обучали. Антимагом нужно было родиться...

Кристина подумала, что можно, наверное, попросить инквизитора развоплотить и собак, которых она случайно создала. Подумала – и затолкала мысль подальше. В отличие от рекламных персонажей, изначально нарисованных, собаки были живыми. Уничтожить их или убить – какая разница? И... Ей просто стало жаль возвращать их в небытие. Может, когда-нибудь, лет через сто долгого ведьминского века она и научится отключать жалость. Но пока не получалось.

Горы крема исчезали, точно кто-то очень аккуратно стирал их ластиком. Ночь выцветала, чернея на глазах. Зеваки почему-то не кричали и не удивлялись. Толпа просто начала рассасываться, люди как ни в чем не бывало направились по своим делам. Наверное, антимагия и об этом позаботилась. Удобно... Раиса

Петровна никогда не ликвидировала так следы чар. Хотя следов и при ней хватало. Может, для такого всеобъемлющего очищения нужно быть высшим инквизитором?

– Не спешите радоваться, – сказал Лещинский, поворачиваясь к Кристине. – Антимагия действует отнюдь не на все результаты чар. Если бы кто-то погиб, я бы не смог вернуть его к жизни.

Кристина лишь вздохнула. Это ее не удивляло. Люди придумали сотни способов убивать друг друга, но даже маги не знали ни одного способа, чтобы оживить.

Лещинский мазнул ладонью по воздуху напротив Кристины, и ее точно огладила гигантская невидимая рука. Слипшиеся от крема волосы взлетели шелковистыми прядями на ночном ветру, одежда очистилась. Исчезло омерзительное ощущение испачканной кожи.

Напоследок инквизитор стер крем с себя и задумался.

– Так быть не должно, – наконец сказал он. – Таких масштабных аномалий я не припомню ни в одном городе. Преступница где-то рядом. Может быть, прячется прямо здесь, в торговом центре... хотя если триангулировать...

– В тех городах, может, и не припомните, а у нас такое уже бывало, – возразила Кристина. – В смысле, с билбордов уже материализовались люди или звери... или предметы. Материализация на основе образа – это же самая простая ступень. Как-то с предвыборного плаката сбежал кандидат в президенты и провел митинг на центральной площади. И никто не догадался, что он ненастоящий.

– И что, раньше они тоже появлялись по всему городу? – Лещинский испытующе воззрелся на нее, заложив большие пальцы в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

– Ну... – Кристина попыталась вспомнить. – Нет. Были отдельные случаи.

– А другие аномалии? Тоже отдельные случаи? Или по всему городу?

– Обычно отдельные. Хотите сказать... это она? Оживляет их?

Кто такая «она», уточнять не пришлось. Лещинский отвернулся, вглядываясь в затянутый смогом горизонт.

– Не напрямую. Она что-то делает с магическим фоном города. А выбросы магии уже принимают любые формы. Даже самые фантазмагорические. Думаю, это не последняя аномалия. Пожалуйста, не забудьте – сообщайте мне о каждой. Завтра с утра можно поискать убежище преступницы.

Он упорно избегал называть имя Марианны Бойко. Боялся случайно призвать ее, что ли?

– Почему с утра? Лучше по горячим следам, – заметила Кристина. Хотя сейчас ей совершенно не хотелось шататься по центру Города в поисках какого-то убежища.

– Ночью не стоит, – поморщился Лещинский. – Ночь придает ей сил. Это... довольно старая и опытная ведьма, она умеет черпать силу из природных явлений. Завтра с утра встретимся в вашем офисе и решим.

Кристина мгновение смотрела на него остановившимся взглядом, потом опомнилась и пошла к летательному чехлу.

Черпать силу из природных явлений! Черт, кажется, городской ковен вляпался еще сильнее, чем казалось раньше. Ну да, ведьмы могли жить столетиями, сохраняя молодость, могли брать силу из магического сердца Города, но из природных явлений... Это звучало как легенда. Это было легендой! В ковене числились ведьмы старше и опытней Кристины, но ни одна еще не умела пользоваться естественной мощью ночи, солнца, воздуха, грозы... И он так походя об этом упоминает!

– Когда будем искать убежище, вы идете вперед, – проворчала Кристина, расправляя чехол.

Оказавшись в своей квартире в спальном районе, она сбросила пальто и туфли и рухнула в кресло. И некоторое время сидела так в темноте, не раздеваясь и даже не двигаясь.

В голове шумело, и как знать, было тому виной магическое истощение или простое обилие впечатлений.

Хотя, если верить господину инквизитору, впечатления еще только начинались. Сегодня вечером не произошло ничего особенного.

Кристина потрясла головой, как кошка, вскочила, включила свет и стала переодеваться.

За окном чуть заметно гудел не успевший уснуть район. Когда-то его строили на окраине, но с тех пор Город расползся щупальцами медузы во все стороны, и теперь отсюда до центра было четверть часа езды на маршрутке. Квартиру получили еще родители Кристины как передовики производства. Потом, когда Город одарил ее магической силой, для родителей все обставили так, будто она устроилась на хорошую работу в солидный офис. Тогда фирмы всюду завоевывали рынок. И родители засобирались, приговаривая: «Ну что мы будем сидеть здесь, стеснять тебя, мы лучше в деревню поедem...» Остановить их не удалось. Кристина купила им хороший дом в пригороде и частенько ездила в гости, привозя самые лучшие ведьмовские зелья для оздоровления. Благо запрета пользоваться магией в личных целях не было. Запрещалось только причинять вред другим.

Вопреки мечтаниям родителей Кристина вела одинокую жизнь. Детей не рожала, потому что боялась: рано или поздно придется их пережить. Замуж не выходила – не попадалось кандидатов. Точнее, в кандидатах-то ни одна ведьма никогда не знала недостатка, но все это были не те люди. Одно слово – люди. Ничего общего с ними, ни общих целей, как хотелось бы, ни общих взглядов на жизнь. Кристина проводила с ними какое-то время... а потом уходила первой.

Колдуны тоже подкатывали, но и с ними не клеилось. Да что там – даже Лешка Змеев, глава ложи, при каждой встрече интересовался, не передумала ли Кристина и не готова ли она упасть в его объятия. Но она знала, что любвеобильный Лешка говорил то же самое половине городских ведьм. И то потому, что вторую половину уже успел охмурить.

Одиночество Кристину не тяготило. Слушая жалобы некоторых других ведьм, она лишь улыбалась. Не только люди, но и ведьмы любят во всем находить поводы для страданий. Куда лучше превращать их в поводы для радости. Как сейчас: хочешь – спи, хочешь – пляши, хочешь – затевай пирог, никто и слова не скажет. Кристина даже потянулась к музыкальному центру, чтобы было подо что плясать, но отдернула руку. Десять вечера все-таки, соседям завтра на работу.

А вот Лешке надо бы позвонить.

– Кристи-иночка, – протянул тот в трубку. – Не спится, сестричка? Как сама, как семья?

– Отлично, – хмыкнула она. Вдали послышался стук двери – Лешка предусмотрительно вышел в другую комнату, чтобы скрыть разговор с «сестричкой» от тех, с кем он проводил вечер. – Тебе инквизиторы не звонили?

– Какие инквизиторы? – Голос Лешки мгновенно стал сухим и деловитым.

– Значит, еще позвонят. А еще лучше приходи завтра утром в наш офис. Они ищут преступницу и подозревают, что у вас может быть ее сообщник. Этим сообщником можешь оказаться даже ты...

Может, стоило бы умолчать об этом, но Кристина не видела смысла. Все равно Лешку введут в курс дела. Инквизиторы не боялись, что сообщник может узнать о поисках и затаиться, иначе приехали бы инкогнито и слова бы не проронили, что расследуют что-то. Наверное, у них был способ безошибочно определять этого самого сообщника. Кристина на их месте обязательно попыталась бы придумать что-то подобное.

Лешке пришло в голову то же самое, потому что он ответил:

– Если преступница симпатичная, то могу и оказаться... Остальных вызвать в ложу? Будут проверки?

– Лучше вызови, – сказала Кристина. – Думаю, проверки скоро будут везде.

Причитая: «Ну вот, опять на работу!» – Лешка распрощался. А Кристина отправилась на кухню и долго сидела там за столом, рассеянно глядя в чашку с чаем.

Она до последнего не хотела признаваться самой себе, что побаивалась столкновения с сектой «Знак Гефея».

Ночью, как обычно, явилась бессонница.

Пришла, по-хозяйски села на край кровати и принялась изводить Кристину, заставляя то просыпаться и смотреть в потолок, то плавать на грани сна и яви, следя за причудливыми видениями. То опрокидывала в глубокий сон, то заставляла вскакивать от кошмаров. Пожалуй, это был единственный повод для страданий, из которого Кристина не смогла сделать плюс. Бессонница одолевала часто. И не спасали от нее аптечные препараты. Только магическое зелье, а принимать его требовалось свежим, и не всегда находилось время, чтобы сварить...

В изнеможении Кристина снова закрыла глаза и почувствовала, как проваливается в блаженную дрему.

...Она сидела на троне в большом полутемном зале со сводчатым потолком. Когда-то в детстве при слове «трон» Кристине представлялось огромное сооружение на помосте, на высоте человеческого роста, а то и выше. И она очень разочаровалась, увидев царский трон в историческом музее. Обычный мягкий стул, обтянутый узорчатым бархатом. И вот сейчас она сидела на таком стуле, а по обе стороны вдоль стен зала выстроились ведьмы в парадных одеждах.

Зал окутывала полутьма, чуть надъеденная светом свечей. С окон ниспадали массивные портьеры. Шепотки и шаги сплетались в гулкое эхо. По проходу от двери к Кристине шагали инквизиторы, тоже в парадных одеждах. Она узнала их: Семен Никитич в синем фраке, Аль Яржинов в щегольском жемчужно-сером колете и таких же брюках, Игорь Игоревич в офисной двойке, приобретшей неуловимо торжественный вид... И Лещинский. В черном костюме и черной рубашке, с гладко зачесанными на пробор волосами.

Делегация явилась приветствовать ведьму по всем правилам.

Они поклонились по очереди, а потом Лещинский опустился на корточки.

Кристина посмотрела вниз и увидела, что на ней тоже парадное платье. Темно-красное, цвета запекшейся крови. С разрезом, почти полностью обнажающим правую ногу.

Она невольно положила ладонь на бедро, точно пытаюсь прикрыть вызывающе белую кожу, – и увидела собственные ногти, выкрашенные в такой же темно-красный цвет.

А Лещинский склонился и коснулся колена губами. По телу пробежала электрическая дрожь. Поцелуй все длился и длился, пока из тьмы не выступил смутный силуэт и не зазолотились в свете свечей льняные волосы...

Кристина проснулась и от души протерла глаза. Перед ними все еще нахально мигали свечи. Отголоски сна исчезли не сразу.

Привидится же такая ерунда!

Нечего было и надеяться снова уснуть. Промаявшись минут двадцать, Кристина встала и посмотрела на часы. Они показывали пять с небольшим. Ну что, вызвать остальных ведьм в офис? Как раз рассветет, можно начать поиски убежища, не спеша пообщаться с Лешкиными колдунами, прочесать Город в поисках невыловленных рекламных человечков... Или пускай поспят, еще успеют набегаться?

За окном стояла непроглядная тьма. Кристина включила свет, зевнула, опять протирая глаза. Взгляд упал на ногти. Аккуратные, чуть удлиненные, без следов лака. Ей все было недосуг записаться на маникюр.

Она порылась в выдвижном ящике письменного стола и отыскала темно-красный лак. Потом, все еще зевая, поплелась на кухню, заварила чай и принялась красить ногти, высунув от усердия язык.

* * *

Не только Кристина не могла уснуть в этот предрассветный час.

Номер трехзвездочного отеля располагался в самом конце коридора. Он был чистым, тихим и... нет, не безликим. Даже гостиничные номера не бывают полностью безликими, у них есть свое настроение, атмосфера и узнаваемое лицо. Стефан Лещинский повидал достаточно номеров, чтобы с уверенностью утверждать это. Тяжелый темно-зеленый простор «А-отеля» в Петербурге, вялая желтизна, тюремная теснота и грубо отделанные стены «Берлина» в Будапеште, красно-бежевый, почти домашний уют безымянной львовской гостиницы при автобусной станции... Продолжать он мог до бесконечности. Этот номер был маленьким, но полным света и воздуха. Большое окно выходило на площадь. Даже сейчас, поздно вечером, оттуда доносился шум и смех.

Что было безликим, так это коньяк. Дешевое пойло, годное только на то, чтобы запивать им снотворное. Зачем он продолжал глотать снотворное с алкоголем, Стефан и сам не знал. Видения приходили всегда, независимо от глубины сна. Даже когда он однажды валялся без сознания, видение явилось и честно отработало свою смену. Даже когда не спал, оно вплеталось в реальность. Ничего не менялось.

Правда, ощущения после снотворного казались не такими острыми. А чем острее они были, тем больше сил выпивало проклятие. Если бы оно ограничивалось дурацкими кошмарами, Стефан был бы счастлив. Но видения служили лишь приправой к основному угощению.

Он выщелкнул из блистера капсулу транквилизатора, откупорил коньяк и выполнил свой ежевечерний ритуал. Потом лег на кровать, заранее зная, что будет дальше.

Отличались только детали.

...На площади бурлила вечная толпа. На помосте стояла плаха, покрытая темными разводами. Рядом из колоды торчал сверкающий топор.

Значит, площадь. Проклятие насмехалось, выцепляя из реальности подходящие параллели. Что-что, а насмехаться оно умело прекрасно.

Происходящее ткалось из мириад деталей. Тонкая трещина на топорище, скрипящие доски помоста, детский плач в толпе, запахи пота, навоза, прелых листьев; тусклый блеск окон приземистых домишек по краям площади, ворчание помощников. Полы балахона палача, путающиеся в ногах. Происходящее во весь голос кричало о своей абсолютной реальности.

Приговоренного выволокли на помост. Юноша, худой до прозрачности, безвольно обвис в руках стражников. Его обвиняли в отравлениях, доказательства тщательно собрали и подшили, дело рассмотрели со всех сторон и противоречий не нашли. Коллегия инквизиции постановила: виновен. И огласила приговор: казнь через отрубание головы.

Сожжение полагалось за другие преступления. Как правило, за магические убийства.

Стефан смотрел на юношу, медля взять топор. Он точно знал, что настоящий виновник отравлений давно скрылся за границей. И просто нашел козла отпущения, чтобы было на кого списать свои грехи. Подделал непроверяемые доказательства, а жертву опоил одним из своих фирменных ядов, лишаящих воли. И даже инквизиторская антимагия не могла ничего с этим поделать. Антимагия вообще была еще тем колоссом на глиняных ногах. В любой ситуации, когда от нее зависело что-то действительно важное, она оказывалась бессильна.

Толпа шумела, волновалась и ждала.

Стефан отлично понимал, что убивает невинного, но наклонился и взял топор.

Приговоренного бросили на колени. Голова легла на плаху. Топор в руках Стефана обрушился на тонкую шею с отвратительным хрустом. Теплая кровь окропила лицо и выплеснулась, пятная плаху новыми разводами...

...Он проснулся с привычной смесью обреченности и облегчения. Они переплетались гнилостными пятнами перед глазами, гнилостным привкусом во рту, отдавались тяжелым стуком в висках.

Обреченность шептала: снова попался. Снова поверил, что все наяву. Потому что не мог иначе. Потому что проклятие бы не позволило осознать себя с высоты реальности. И не позволит никогда, и будет каждую ночь до скончания века

заставлять казнить одного невинного за другим. А заодно выпивать твои силы, пока не уььет. Медленно и мучительно.

Облегчение возражало: но это не наяву, и отлично, и на том спасибо, проклятия бывают разные, вот превратило бы тебя в настоящего убийцу-лунатика, вот устроило бы эффект полного погружения, тогда узнал бы, почем фунт лиха, тогда уж точно небо бы показалось с овчинку, ни работать, ни искать бы не смог, надежда на избавление исчезла бы... Надежда на избавление – великая вещь. Так говорили бесплотные шепотки, и в этот предутренный час Стефан был с ними согласен.

Работать. Искать. О дьявол, скорее бы утро. Утром, как обычно, можно будет отвлечься на работу. Поговорить с нормальными людьми, встретиться с ведьмами. С главой ковена, в обществе которой то и дело приключались курьезы, будто она их притягивала. Стефан с усмешкой вспомнил конфеты, горланящие песни, фею, бомбардирующую центр Города жирным сливочным кремом. Потом смешные картинки сменились видом ведьмы, тяжело дышащей, лежащей под ним... Он поспешил сморгнуть эту картину и для надежности шлепнул себя по глазам. Неподходящее время. Совсем неподходящее.

Утром гнилостный осадок отойдет на второй план, а к обеду исчезнет совсем... чтобы вернуться ночью. Магия полностью восстановится к вечеру, чтобы через пару часов невидимая сила снова впиалась в нее ненасытным жалом.

– Паршивая же штука эти ваши проклятия, – беспомощно сказал Стефан, ни к кому не обращаясь, и вскочил с кровати.

И тут в дверь постучали.

Тихо, будто скреблись. Стефан нащупал телефон и посмотрел, который час. Было без четверти пять. Остатки сна слетели с него, и отголоски видения тоже побледнели и выцвели. Очень интересно. Что такого могло случиться в гостинице, из-за чего понадобилось тревожить постояльца в такое время?

Стук повторился.

Глупый вопрос. В гостинице ничего не случилось. Неизвестному визитеру был нужен он, инквизитор. Зачем-то.

Недолго думая, Стефан шагнул к двери и открыл.

Сначала ему показалось, что в коридоре никого нет. Потом пустота шевельнулась, подняла голову, и стало ясно: там старик. Сгорбленный, скрюченный, весь в черном... ну или коричневом, или темно-синем. Он почти полностью сливался с темнотой.

– К проклятию привык? – прошамкал беззубый рот с резкими, не старческими интонациями. – А вторую часть проклятия помнишь? Смотри не забудь. Пригодится.

И старик растаял в воздухе.

Стефан застыл. По венам будто пустили жидкий азот. Это было что-то новенькое.

В городах, куда его приводило расследование, случалось всякое. Магия порождала причудливых существ. Порой они нападали. Порой нападала противница. Она всегда оказывалась на шаг впереди – именно из-за сектантского умения становиться своей для местной магии. Но она никогда не вступала в переговоры.

Марианна... Это были ее интонации. Безошибочно узнаваемые. Посланца с напоминанием о второй части проклятия отправила именно она. И не стоило сомневаться – вторая часть сбудется... как только получит повод.

– Тебя неправильно информировали, – едва шевеля губами, ответил Стефан темноте. – Вторая часть не сбудется. Я все контролирую.

Он контролировал. Наверное, это само по себе было проклятием.

Кристина пришла в офис к семи утра. Обычно в это время ведьмы еще мирно спали. Они вообще не любили гореть на работе и при всякой возможности норовили себя побаловать. Многие предлагали ввести свободный график: зачем рано вставать и тащиться через полгорода на заплетающихся ногах, ничего не соображая, если можно приходить, когда удобно? И аномалии вроде вчерашней проще ликвидировать, когда на дежурстве круглосуточно кто-то есть. Кристина обещала подумать. Идея ей нравилась.

Но сегодня она с удивлением обнаружила, что в офисе уже открыто, а из дальнего конца холла, из-за диванов, доносятся голоса.

– Не ест, – произнесла невидимая девушка. Кристина узнала Катю... точнее, Катарину, так она предпочитала себя называть. Катарина совсем недавно стала ведьмой, но успела освоиться. Училась на бюджетном отделении лучшего вуза Города, подрабатывала написанием диссертаций, которые за нее составляли дрессированные электронные буквоеды, и обожала наряжаться. А вот вставать в несусветную рань терпеть не могла. Ну и что она здесь делает?

– Не ест, – согласилась ее собеседница, и Кристина поняла, что это Лера. – Вот черт, надо что-то подороже купить.

– Может, мяса сырого? – неуверенно предположила Катя. Из-за диванов донеслось фырканье. В нем явственно различались брезгливые нотки.

– Доброе утро! – громко сказала Кристина, подходя. – Кто там у вас?

Обе ведьмочки мгновенно вскочили, вытягиваясь во фронт.

– Никого, Кристина Сергеевна! – отрапортовала Лера.

– Просто разговариваем! – подтвердила Катарина, разглаживая тонкую пепельно-розовую юбку и поправляя такой же пиджачок. На дорогой ткани появились морщины. Чтобы Катя добровольно портила наряд, сидя в нем скрюченной в три погибели?!

Чувствуя себя донельзя глупо, Кристина заглянула за диван. Но никого не увидела. На блестящем паркете одиноко стояла мисочка с влажным кормом, то

ли кошачьим, то ли собачьим.

– А кого кормите?

– Никого, Кристина Сергеевна! – бодро повторила Лера. – Э-э... Катину кошечку обсуждаем.

– И корм лично дегустируете, – заключила Кристина. Ведьмы темнили, и, может, она бы успела их расколоть, но тут дверь холла распахнулась, пропуская целую толпу.

Там были все четверо инквизиторов, Лешка Змеев, его помощник, еще пара колдунов и несколько отчаянно зевающих ведьм. Кристина бросила на Лешку благодарный взгляд. Все-таки на него можно было положиться в случае чего.

– Доброе утро, – сказал Лещинский. – Все в сборе, отлично. Тогда предлагаю отправляться на поиски прямо сейчас.

– Что за поиски? – поинтересовался Семен Никитич.

– А вас и Игоря Игоревича я попрошу побеседовать с магами. – Лещинский будто не слышал вопроса. – И документацию их не помешает просмотреть.

– Игорь Игоревич побеседует с магами! – Семен Никитич радостно вскинулся, как кот, увидевший миску со сметаной. – А я просмотрю документацию ведьм. Журнал пожарной безопасности...

– Журнал вам зачем? – вытаращила глаза Кристина. Тем более что записей об инструктажах по пожарной безопасности ни в ковене, ни в ложе сроду не водилось.

– Положено, – отрезал Семен Никитич.

– Не увлекайтесь, пожалуйста, – осадил его Лещинский. – Достаточно изучить данные о новых ведьмах и о более опытных, которые редко... скажем так, проявляют активность. На это вам хватит двух часов. За это время, надеюсь, мы что-то найдем. Аль, пойдешь со мной и госпожой Терновой.

Яржинов потрянул зеленой челкой.

– А куда вы идете? Я тоже хочу, – протянула Катарина, обреченно косясь на Семена Никитича. Тот уже взял в оборот Леру. Доносились слова «электронные базы данных», «отчетность» и «баланс».

– А ты лучше журнал пожарной безопасности организуй, – сказала ей Кристина. – Цветной принтер у меня в кабинете.

Если у ведьм требовали какие-нибудь бумажки, те всегда обращались к Катарине. Удобные все-таки создания – электронные буквоеды. Особенно когда дрессированные.

– И как вы собираетесь искать убежище? – Кристина повернулась к Лещинскому. – Думаете, за ночь она оттуда не ушла, ждет нас?

– Ушла, – согласился тот и кивнул на дверь. Кристина вышла, жмурясь от яркого утреннего солнца. За ней последовали Яржинов и Лещинский. – Я уверен. Но могли остаться зацепки. След, опять же...

– Только не начинайте. Магический след невозможно выявить! – Кристина даже глаза открыла от неожиданности. Воспользовавшись этим, солнце тут же сыпануло в лицо пригоршню бликов.

– Да можно, – лениво сказал Яржинов. – Только сразу. Если маг в последний раз колдовал не больше часа назад. Ну и точной инфы все равно не получишь, можно только сказать, мужчина это был или женщина.

– Я не о магическом следе говорил, – добавил Лещинский. – Вообще-то я рассчитывал, что нам помогут ваши... творения.

Он кивнул в сторону живой изгороди. Кристина проследила за его взглядом и чуть не застонала.

Под глянецвито блестящими ветвями бирючины собрались почти все вчерашние собаки. Похоже, ночевали они здесь же, в кустах. Вчера Кристина совершенно о них забыла. Зато они о ней помнили. Смотрели влюбленными глазами, умильно

улыбались во всю пасть, виляли хвостами...

- Ну что мне с вами делать? - пробормотала Кристина.

- Одну возьмем с собой. Остальных могу развоплотить, если хотите, - предложил Лещинский. Она злобно вскинула на него глаза, чувствуя, как в зрачках вскипает ведьминское пламя.

- Только попробуйте!

- Ладно, ладно, - хмыкнул инквизитор. - Поводка с намордником у вас не найдется?

- А как же, всегда ношу с собой, вдруг важная встреча, а я без намордника, - проворчала Кристина. - Вы серьезно? Серьезно собираетесь искать опасную преступницу, древнюю ведьму и кто там она еще... с собаками?!

- С одной собакой, - педантично уточнил он. - И не саму ведьму, а ее временное убежище. Оттуда животное может взять след и вывести нас на актуальное место пребывания преступницы. Что вас удивляет?

- Действительно, - вздохнула Кристина. - Ничего. Поводок купим в зоомагазине по дороге. Правда, я сомневаюсь, что эти собаки будут эффективнее магических существ. Если взять штук пять патрульных и натаскать их, они вашу ведьму за полчаса найдут. У них нюх на новых людей!

- Патрульных? - моргнул Лещинский.

- Ну да, их же в любом городе полно. Тех, которые маскируются под бабушек и тетушек, всегда все знают и советы дают. Идешь утром на работу, а оно из-за угла: «Работаешь и работаешь, детей бы завела»...

Были еще другие патрульные, которые маскировались под гаишников и питались эмоциями автомобилистов. Но тех часто не могла распознать даже опытная ведьма.

– А, эти. Кустосы это по нашей классификации. Custos morum vulgaris... Не важно. Я же говорил, что сектанты умеют становиться своими для местной магии. Не надейтесь на магических существ, преступница подчинит их всех, если ее к тому времени не поймать. Собаки хотя бы преданы вам, потому что вы их создали. Кристина, мы теряем время! – Лещинский слегка повысил голос. – Пожалуйста, не спорьте с инквизицией. Объяснения можно получить по дороге.

А чтоб тебя! Фыркнув, Кристина зашагала к парковке, где дожидалась ее черная «Ауди».

– Собаку не забудьте, – напомнил Лещинский. Скрипнув зубами, она свернула к кустам и не глядя потрепала по холке первое попавшееся животное. Радостно взвизгнув, большая бежевая дворняга потрусилась следом. Остальные разочарованно взвыли.

Черт, они же голодные, наверное. Чтобы не возвращаться, Кристина сбросила Лере сообщение: «Накорми собак». Хотя основную проблему это не решало.

Крякнула, отключаясь, сигнализация. Лещинский как ни в чем не бывало устроился на пассажирском сиденье. В зеркале заднего вида отражалась взъерошенная зеленая шевелюра Яржинова и весело торчащие собачьи уши.

На проспект выехали в молчании. Воздух в салоне потяжелел, как перед грозой, казалось, в нем вот-вот засверкают молнии. Кристина специально выбрала объездной путь и свернула на параллельную улочку. Машина заскакала по ямам и ухабам. «Не спорьте с инквизицией», понимаешь! Много умников развелось. С ведьмой тоже спорить опасно. Вот потрясешься с полчаса по колдобинам – может,образишь.

– Кристина Сергеевна, – подал голос Яржинов. – А заклятия против патрульных вы, случайно, не знаете?

Попытка разрядить обстановку была очень так себе.

– Вы же антимаг, что вам стоит, – буркнула Кристина. – Подышите на них, они и развеются. Ну а если не развеются – значит, настоящие люди.

Машина высоко, как лягушка, подпрыгнула на очередном ухабе. Яржинов жалобно ойкнул. Собака взвизгнула почти человеческим голосом.

– Невиновных обижать нехорошо, – тоном детсадовского ябеды протянул Лещинский.

Кристина покосилась на него и наткнулась на смеющийся взгляд. Инквизитор веселился. Его, видите ли, забавляла ситуация. И принесла же нелегкая сотрудинок!

Она пошевелила пальцами, на ходу составляя новый узор, и создала вокруг Яржинова и собаки воздушные подушки. А потом нажала на газ.

На центральной площади всегда было людно. Там соседствовали несколько крупных торговых центров, конечные остановки двух или трех маршруток, стихийные базары на подходах, куча ресторанов и кафе...

Мимо грохотали трамваи и неслись машины, по краям площади предприимчивые мужики торговали с рук китайскими запчастями для мобильных и зарядными устройствами, которые работали после покупки ровно пять минут. В общем, толпа здесь никого не удивляла. Но сегодня она собралась вокруг группки людей с небольшими ручными видеокамерами. Девушка глядела то в одну камеру, то в другую и что-то громко вещала.

– Черт! – Кристина пристроила машину у обочины и выскочила наружу. – Если окажется, что какие-то фокусы наших рекламных человечков попали на Ютуб...

– Фея не попала, – ответил Лещинский, тоже выходя. – Но они же рекламные, разве нет? Почти все можно списать на рекламную акцию.

– Особенно если такая фея появится еще где-то, – буркнула Кристина. Лещинский уже не слушал. Он сунул Яржинову пару купюр, а потом ловко захлопнул дверцу перед самым носом собаки, которая собиралась выпрыгнуть на улицу.

– Аль, будь другом, пойдя купи поводок.

Тот кивнул и направился к виднеющейся поодаль вывеске «Все для животных». Вывеска изображала кошку и собаку величиной в полтора человеческих роста. К счастью, те спокойно сидели на полиэтиленовом холсте, не пытаясь сбежать.

Лещинский же подхватил Кристину под руку и увлек к зевакам и людям с камерами.

– Сейчас выясним, что здесь случилось.

– Итак, наш стихийный репортаж продолжается! – стрекотала девушка, встряхивая каштановой гривой. – В полиции отказались приехать на наш вызов, то же ответили в санэпидемслужбе. Ни один местный магазин пока не взял на себя ответственность за такую рекламную акцию... Хи-хи, «взял ответственность» звучит так, как будто это теракт! Но на самом деле мы все считаем, что это рекламная акция. Может быть, актеры были еще не готовы к выходу, поэтому их костюмы выглядели так странно. Я попрошу Павла еще раз поставить фото крупным планом. Согласитесь, не каждый день увидишь подобное даже в центре города...

– А что они увидели? – спросил Лещинский, тронув за плечо ближайшего парня. Тот слушал корреспондентку, раскрыв рот.

– А? Да сами не знаем! – Обрадованный появлением слушателей, тот отвернулся от репортажа. – Вон из того дома, – он указал на «сталинку» у края площади, – выскочили какие-то чудики в перьях. Натурально в перьях, прикиньте! Как у птиц! А на спинах горбы, как у верблюдов. Хотели нырнуть в подвал, а там оказалось закрыто. А тут журналюги их увидели, съемочная группа как раз приезжала «скрытых покупателей» в супермаркете снимать! А чудики поняли, что их снимают, и бежать! По-моему, они уже не первый раз через подвал ходят. Они вокруг дома побежали, а журналюги за ними. А потом они все-таки залезли в подвал через другой вход. Только подвал тут закрытый вроде как, значит, они оттуда не вылезут. Ну и сейчас возле дверей кто-то дежурит, ждут их, значит... А они внутри закрылись, никому не влезть...

М-да. «Люди с перьями и горбами – стопроцентно «наши» клиенты», – подумала Кристина. А журналюги – это, конечно, некстати. Совсем некстати. Что бы там ни стряслось, теперь его антимагией не развеешь, придется придумывать правдоподобное объяснение. Хорошо, что в современном городе людей ничем не

удивишь. Рекламная акция пойдет на ура. А вот попасть в подвал будет сложновато.

– Спасибо! – прочувствованно сказал Лещинский. – Сходим посмотрим на те двери в подвал.

– Ага, – промышчал парень и снова ввинтился в толпу. Там девушка под прицелом камер брала интервью у первых очевидцев.

Вернулся Яржинов с поводком и намордником. Прилаживая сбрую на собаку, Кристина слышала, как Лещинский вводит его в курс дела. Собака преданно заглядывала в глаза и пыталась лизнуть в нос.

– Тебе нужно имя, – сказала ей Кристина. – Вот что, будешь Раечкой.

Дворняга бешено завиляла хвостом.

– Раечка? – со смешком переспросил Лещинский. Он умудрился расслышать. Тьфу ты. При этих инквизиторах ничего нельзя произносить вслух. Надо учесть на будущее.

– В честь нашего прошлого инквизитора Раисы Петровны, – с достоинством сообщила Кристина, поудобнее перехватывая поводок. Лещинский поперхнулся. – Итак, вы уверены, что нам нужно именно в тот подвал? Есть идеи, как туда попасть?

– М-м... Да это не вопрос. Я наложу на нас пятиминутную невидимость, должно хватить. Встанем вон там, за деревом.

– Значит, вот как вы действуете, – задумчиво заметила Кристина, имея в виду инквизицию. – Удобно. И за подозреваемыми можно следить...

У ведьм, конечно, существовало зелье невидимости, но у него, как и у всех зелий, был огромный недостаток: его требовалось варить. А готовить Кристина ненавидела. Да и кто знал, что оно понадобится! Хорошо хоть его можно было заготовить впрок. Оно неплохо хранилось. А если добавить в рецепт водки, то срок хранения увеличивался втрое. Да и прием такого зелья становился куда

увлекательнее.

...Случись какому-нибудь прохожему заглянуть через несколько минут за угол, где росли тенистые липы, он бы увидел сверхъестественную картину. Мужчина, женщина, зеленоволосый парень и большая бежевая собака тихо и незаметно растворились в воздухе. Да и были ли они? Когда с солнечной площадиходишь в тень, перед глазами рябит, мало ли что может померещиться...

– Толпу еще от входа отогнать, – сказала Кристина, когда они приблизились к двери подвала. Вход туда прилепился к боковой стене дома, и его окружало плотное полукольцо людей.

Вместо ответа Лещинский щелкнул пальцами. Кристина отлично видела и его, и Яржинова, и собаку – невидимость распространилась только на чужие взгляды.

Послышался грохот, как от выстрела. Крыша подвальной пристройки брызнула искрами. Люди с криками отпрыгнули в разные стороны, полукольцо распалось. Зеваки задирали головы и грозили кому-то невидимому кулаками.

– Петарды кидают!

– Хулиганье!

– Из окна? Или с крыши?

Лещинский опять щелкнул пальцами, и взрыв полыхнул у самой двери подвала. В его вспышке, а затем в клубах черного дыма никто не заметил, как створка сама собой чуть приоткрылась – и закрылась через пару секунд.

– Неплохо, – оценила Кристина. – А выбираться будем тем же способом?

– Погодите. Еще посмотрим, что здесь, – неопределенно сказал Лещинский, шаря по карманам. Яржинов опередил его, выхватив откуда-то из многочисленных карманов своей туристической куртки фонарик. Вспыхнул яркий свет.

– Всегда хотел посмотреть на ведьму, которая может занять лучшую квартиру в городе, а вместо этого прячется по подвалам, – сказал он непонятно к чему.

Собака Раечка согласно тьякнула.

Подвал ничем не отличался от тех, в которых Кристине доводилось бывать. Пахло сыростью и затхлостью, в разные стороны тянулись лабиринты коридоров, то и дело распахивая перед гостями обширные пустые залы. Один из таких залов вместе с частью коридора предприимчивые жильцы превратили в кладовые, разгородив пространство фанерными стенками. Сквозь щели в фанере таинственно поблескивали банки с консервацией.

Лещинский присел на корточки перед собакой и достал из кармана нечто, запечатанное в пластиковый пакет. Развернул пакет... Кристина наблюдала внимательно-внимательно. Собаке требовалось понюхать личную вещь Марианны Бойко. Интересно, что там за вещь? Не хватало еще, чтобы Раечка нюхала какие-нибудь трусы или лифчики!

Но в пакете оказалась записная книжка в клеенчатом переплете. Раечка долго и старательно водила по ней носом, громко сопя. Потом вскинула на Лещинского совершенно человеческий недоумевающий взгляд и гавкнула.

– Ищи, – сказала ей Кристина.

Раечка снова гавкнула. «Ну вот же! – слышалось в ее голосе. – Я знаю, что надо искать! Только кого искать, если вот он, тот человек!»

Поморщившись, Лещинский раскрыл книжку на середине. Раечка послушно обнюхала ее снова, укоризненно тьякнула и, наконец, взяла след.

След то и дело пропадал, и тогда собака беспомощно крутилась на месте. Компания продвигалась медленно. Шуршал сквозняк. Они миновали уже половину подвала. Свет фонарика выхватывал новые и новые двери кладовых. Собака в очередной раз замерла, принюхиваясь...

И в тишине кто-то вдруг оглушительно чихнул.

А потом еще и ругнулся досадливо и обреченно, будто прятался от поисков, но теперь предстояло неминуемо выдать себя.

Звук доносился из кладовой чуть поодаль. Яржинов первым бросился туда и дернул дверь.

С треском вылетела плохо прибитая щеколда. Чей-то голос с упреком протянул: «Лишь бы вещи портить, бездельники!» Луч фонаря нацелился на говорившего, и Яржинов пораженно выдохнул:

– Офигеть!

– Что там? – Кристина, спотыкаясь, бросилась к фанерному загону. В голове еще промелькнула скептическая мысль: «И вот здесь сидит ведьма, которой боятся даже инквизиторы? Что-то чересчур бюджетненько...»

Однако в кладовой оказалась не ведьма.

Из темноты, поблескивающей боками банок, на незваных гостей смотрели две пары широко раскрытых глаз. Фонарь скользил по людям... или существам... которые скрывались во мраке, и увиденное не сразу укладывалось в единую картину.

Мелкие аккуратные перышки с пухом – рябые или серые. А поверх них – обычные джинсы и толстовки, укрывающие от холода обычные человеческие тела.

Почти обычные. Не считая больших верблюжьих горбов на загривках, из-за которых казалось, что у существ нет шеи. Горбы были не такими, как при искривлении позвоночника. Они казались чужеродными, будто под кожей что-то пряталось. Какой-то запас, как у верблюдов. Что там накапливает верблюжий организм в горбах – жир? Воду?

– Вы кто? – спросила Кристина.

Ненадолго повисла пауза. Потом одно из существ плаксивым голосом протянуло:

– Ну что вы привязались? Какое ваше дело, как мы живем? Жильцы мы! С пятого этажа! В своей кладовой сидим, вас не трогаем! Петька, бей их, а то журналюгам на опыты сдадут!

– Эй-эй, журналисты не ставят опытов! – запротестовал Яржинов. Раечка зарычала, Кристина сделала шаг назад. Пернато-горбатые гуманоиды набычились и пошли в наступление...

– Всем стоять. – Между Кристиной и Яржиновым вклинился Лещинский, коротким движением руки возводя прозрачную воздушную стену перед существами. – Мы не ставим опытов. Расскажите, что с вами случилось, и мы вам поможем. – Он скептически осмотрел «жильцов с пятого этажа» и с сомнением добавил: – Если, конечно, вы в этом нуждаетесь.

– Че, правда поможете? – Тем, видимо, самим не хотелось бить кого бы то ни было. – И водопровод почините?

– Можем починить, – с еще большим сомнением ответил Лещинский. – Только... при чем здесь водопровод?

– А вот как воду отключили, так все это и началось, – уже дружелюбнее пояснил первый жилец. – Перьями мы начали обрастать. Горбы появились. Оно-то удобно, прям очень! Без воды ни помыться, ни чаю лишний раз согреть. А так купаться в пыли можно, без чая, опять же, не помрем, с таким запасом. – Он попытался кивнуть на свой горб, но тот мешал поворачивать голову. – Только по ночам купаться приходится, – пригорюнился жилец. – Когда нет никого. Днем вечно глазают, сегодня вон журналюг нагнали... Ой, точно сдадут нас на опыты!

– А в марте, помнишь, Ильины пропали, – вмешался Петька. – Я тогда еще их дочку видел, Настьку, но решил, что мне спьяну померещилось. Она шерстью обросла – чисто белый медведь!

– Угу, было дело. А летом вернулись Ильины без шерсти, – пояснил первый жилец ошарашенной ведьме и инквизиторам. – Оно тоже удобно! Отопление дорожает, вечно его отключают! А так сиди себе в шубе... Если бы только эти гады не лезли со своими опытами!

Похоже, опыты постепенно превращались в его фобию. Да и неудивительно, в таких обстоятельствах! Кристина молча разглядывала жильцов, не зная, что сказать.

– Это что, магия? – шепотом спросил Яржинов у спутников. – В смысле, магия включает им ускоренную эволюцию с адаптацией к среде обитания? Нет воды – организм приспосабливается к засушливым условиям, нет тепла – получай шерсть, как у полярных животных... Сами они не могли этого сделать, они не маги. Колдовского потенциала я в них не вижу, даже непроявленного.

– Че? – подал голос Петька. – Что ты там про магию бормочешь?

– Если это началось еще в марте... значит, вот где преступница пряталась все это время, – задумчиво сказал Лещинский. – Не в этом подвале, конечно. В Городе. Фон менялся, аномалии нарастали. Кристина, как вы ничего не заметили?

– В моем Городе всегда такая активность магических существ, – чуть раздраженно ответила она. – Можете посмотреть по своей классификации. У него I класс магической насыщенности по шкале Иберика.

– В самом деле, – неожиданно согласился Лещинский. – Каюсь, забыл. Мне нравится ваш Город... Не дайте никому пробудить его суть.

И он посторонился, жестом велел Яржинову и Кристине тоже отойти. А потом развеял воздушную стену перед жильцами.

– А что будет, если пробудить? – спросила Кристина, не особо надеясь на ответ. – Почему это так опасно, если Город хороший?

– Потом объясню. Напомните мне как-нибудь... Господа, вам говорили, что случилось с вашим водопроводом? Где поломка?

– А вы не видели? – изумился Петька. – Во дворах там, за пятьдесят пятым домом, яма до сих пор разрыта! Не нашли еще поломку, ищут! Или врут, что ищут, – сник он. – Не одни мы без воды сидим, еще домов десять. Только эти, которые магазинов понастроили, везучие, у них трубы другие.

Лещинский кивнул. Яржинов снова зашептал:

– Память им стереть...

– Не надо нам память! – всполошились жильцы, начиная потихоньку пятиться от него. – Мы про вас никому не скажем, правда!

– Хорошо, хорошо. Мы не будем. Идите и скажите той толпе наверху, что не видели никаких пернато-горбатых существ, – велел Лещинский.

– А как же...

Первый жилец, оставшийся безмянным, скосил глаза на свое покрытое белым оперением тело. Вместо ответа Лещинский повел рукой. Как вчера на крыше, стирая следы магии.

– Ты смотри... И правда! – Глаза парня округлились, он уставился на голую коленку, торчащую из рваных штанов, как на редчайшую драгоценность. – Петька! И ты тоже! Ребята, а вы маги? А вы в этой... «Битве экстрасенсов» участвовали?

Кристина, не сдержавшись, сердито фыркнула. Она впадала в ярость от одного упоминания о «Битве экстрасенсов». Может, потому, что ведьма, которая организовала передачу, влезла в долги перед половиной магического сообщества, но так и не расплатилась, получив прибыль, как обещала.

– Еще нет, – очень мягко, как говорят с буйнопомешанными, ответил Лещинский. – Но поучаствуем. Позже. Идите, скажите там, что нет никаких пернатых.

Петька с товарищем переглянулись и припустили к выходу. Стоило им завернуть за угол, как Лещинский вскинул руку и сделал несколько легких движений, вполголоса добавив неразборчивую фразу на латыни.

– Спасибо, – с чувством сказала Кристина. – Я уже поверила, что вы не собираетесь...

– Мне вообще нельзя верить, – усмехнулся он. – Примерно в половине случаев.

И снова он казался почти нормальным человеком. Замороженное выражение лица исчезло, бесцветные интонации растаяли, как ... как отходит анестезия

после врачебного приема! А там, под анестезией, скрывался одновременно знакомый и незнакомый человек. Живой, ироничный, возможно, порой темпераментный и взрывной... но тут луч фонаря упал на стену в конце коридора, и инквизитор снова стал бесстрастным и собранным.

В конце коридора не было ничего интересного. Отсыревшая побелка, вся в разводах и пыли. Горки строительного мусора. Остатки фанеры.

Но и Лещинский, и Яржинов смотрели на все это одинаково внимательно, словно не верили, что глаза их не обманывают. А Раечка, жадно втягивая воздух носом, подошла к самому тупику, села под стеной и жалобно заскулила.

– Что? Там что-то есть? – сказал ей Лещинский вполголоса. Почти промурлыкал. – Умница, хорошая собака...

И провел рукой перед собой, развеивая результаты чар.

Ничего не изменилось. Стена оставалась прежней. Только Раечка вдруг подскочила, коротко взлаяла... и растаяла прямо в подмокших кирпичках.

Глава 6

– Иллюзия! – выдохнула Кристина. Она чувствовала, как совсем рядом ставшая невидимой собака натягивает поводок, зовя людей идти дальше.

– Похоже на иллюзию, – подтвердил Лещинский. – Изнаночную, иначе она бы сейчас развеялась. Ее наложили с той стороны, плюс сделали имитацию стены для чужих глаз. Интересно, давно ли оно здесь...

Он коснулся стены – рука утонула в несуществующей штукатурке. Тогда он пригнулся и шагнул через преграду.

Яржинов кивнул на стену, давая Кристине пройти первой. Лезть в непонятную магическую дрянь было страшновато. Но если уж Раечка не побоялась...

Кристина глубоко вздохнула и бросилась вперед, тараня иллюзию всем телом.

Напрасно. Та оказалась бесплотной, как туман. Ломая ногти, Кристина ухватилась за край настоящей стены, нащупала его в последний момент перед падением – иллюзию точно натянули в дверном проеме, заботливо проделанном специально для нее. Поводок рванулся, собака возмущенно заскулила. Лещинский схватил Кристину за плечо, но она уже твердо стояла на ногах.

Яржинов вывалился из стены как ураган, растолкав их и чуть не снеся Раечку. Лучи фонаря заметались по стенам и потолку...

– М-да. Одна нора лучше другой, – констатировал он, обзрев новое место.

Оно в самом деле напоминало нору. Или шахту. Кристина ни разу не спускалась в забои, только видела их на картинках. Но было похоже: узкий коридор в земле, уходящий в темноту... Недоставало рельсов для вагонетки с углем. А может, это были картинки со старинными шахтами, и в современном мире забои выглядели совсем иначе.

– А вот и наша труба, – вдруг с удивлением заметил Лещинский, опускаясь на корточки. И правда, из земли чуть выпирал округлый бок водопроводной трубы. Инквизитор постучал по ней, и металл откликнулся звонким отзвуком. Воды в трубе не было.

– Секта портит водопровод? Да, это действительно очень опасная секта, – прокомментировала Кристина. Инквизиторы недоуменно хмурились, глядя то на трубу, то друг на друга. Раечка нетерпеливо повизгивала.

– Так быть не должно... Их вообще не должен интересовать водопровод! – наконец в смятении пробормотал Лещинский.

– Значит, их интересы более разносторонни, чем вам казалось, – фыркнула Кристина.

– Похоже на то. – Инквизитор все еще был в таком недоумении, что не нашелся что возразить. – Лучше бы, конечно, не трогать эту трубу, то есть не ремонтировать... Если поломка магическая, то преступница поймет, что мы нашли это место. А неплохо бы понаблюдать, что она собирается делать...

– И что, пусть люди без воды сидят? – подбоченилась Кристина. – Нет уж. Сами попробуйте целый месяц в пыли купаться и туалет не смывать! Вылезет еще ваша преступница! А трубу починим прямо сейчас.

– Щекотливая ситуация, – вздохнул Лещинский. Кристина его уже не слушала. Она присела над трубой, коснулась ее кончиками пальцев и принялась ткать ранозаживляющий узор. Как показывал опыт, магия для заживления человеческих ран отлично работала и со сломанными предметами.

– Ха, – прокомментировал Яржинов, рассмотрев узор. – Почему я до этого не додумался, когда телефон разбил?

– Юные и невежественные дети прогресса, – наставительно отозвался Лещинский, – подчас понятия не имеют о трудностях, преодолевать кои научено старшее поколение...

– Тихо вы! Она же обидится! На «старшее»! – зашипел Яржинов как пустой газовый баллон.

Кристина с усмешкой продолжила ткать узор. Она прекрасно знала, что старше Яржинова, и точно так же прекрасно знала, что ведьме всегда столько лет, на сколько она выглядит. На что нужно обижаться, она так и не уловила.

Земля утробно загудела. Что-то с душераздирающим хрипом пробивало себе дорогу. Раечка тонко заскулила, инквизиторы настороженно притихли. Кристина, удовлетворенно кивнув, закончила узор. Она знала, что все эти устрашающие звуки издает вода, возвращаясь в трубы.

И в самом деле, хрип скоро прекратился. Только приглушенное журчание сквозь слой допотопного металла нарушало тишину.

– Готово. – Кристина поднялась и отряхнула джинсы на коленях. – А теперь давайте узнаем, куда ведет этот лаз.

И они отправились дальше по земляному коридору.

В коридоре больше не встречалось ровным счетом ничего интересного. Раечка рвалась с поводка, ей не терпелось бежать быстрее, быстрее, к цели, запах которой она чувствовала. Небольшая экспедиция подчинялась. Только это примиряло Кристину с действительностью. Монотонная чернота кругом, конвульсивно скачущий огонек фонаря и звук шагов действовали убаюкивающе.

Все закончилось внезапно. Раечка недовольно заворчала, скребя лапами сухую землю. Луч фонаря перестал скакать, процессия остановилась. Коридор завершился новой глухой стеной.

Лещинский ощупал стену, на всякий случай попытался снять с нее чары, но ничего не изменилось – чар не оказалось.

– Странно, – в который раз буркнул он. – Аль, посвети...

Раечка вертелась на месте. Казалось, след не оборвался, она просто не могла добраться до места, где он продолжался. Яржинов наставил фонарь на потолок тоннеля – и взглядам предстал небольшой квадратный люк.

– Если бы не пришлось ремонтировать трубу, – сказал Лещинский, – я бы попробовал подстеречь преступницу именно здесь. Она явно для чего-то вырыла этот ход, но еще не закончила. А теперь... Ладно, открываем.

И он коротко махнул рукой, добавив латинскую фразу. Магия инквизиторов, в отличие от их же антимэгии, требовала словесных приказов.

Крышка люка с грохотом взлетела вверх, будто в нее в упор выстрелили из пушки. Секунду спустя новый грохот возвестил, что она приземлилась поблизости. Криков не последовало, и это утешало. В отверстие проник вялый, едва заметный свет.

Лещинский бросил новый магический импульс – на сей раз в собственные ботинки. Потом сгреб Раечку в охапку. А затем примерился, подпрыгнул – и вылетел из люка.

Кристина знала эту магию. Адаптированные полетные чары для обуви. Теоретически любой маг мог летать без ковра, чехла, урны, лопаты или на чем

они обычно летали. Просто идти по воздуху, заколдовав туфли. Но это было страшно неудобно – почти как ковылять на шпильках по колдобинам. Хорошо, что, отправляясь искать логово преступницы, она оделась поудобнее: джинсы, спортивная куртка, кроссовки.

Зачарованная обувь вынесла Кристину наверх. Она приземлилась на корточки, чудом удержав равновесие. Раечка подбежала к ней, вывалив язык, и Кристина поспешно вскочила.

Люк вел в подвал. Еще один почти такой же подвал, как тот, где прятались жертвы коммунальных чар. Только в этом не было кладовых – лишь пустота, пыль, паутина и тьма. А еще несколько труб с вентилями. К счастью, исправных.

К еще большему счастью, Раечку здесь ничего не интересовало. Собака принялась, вновь нащупывая след, и бросилась к выходу. Кристина едва успела подхватить конец поводка.

После подземельной затхлости загазованный воздух центра города показался нектаром. Кристина нюхала его, как сладчайшие духи. Она не сразу обратила внимание, куда вывел подвал.

А вывел он во двор одной из пятиэтажек в центре города. Чуть поодаль сталинки сменялись дореволюционными четырехэтажными домами. Впереди тянулась узкая изогнутая улочка, из тех, которые густо перевивали центральные кварталы. Люди спешили по своим делам, здесь не было ни толп, ни фантасмагорических существ, порожденных магией... И, по-видимому, Марианны Бойко. Если аномалии действительно возникали там, где она появлялась.

– Не подстерегли бы вы ее, – запоздало сказала Кристина, отвечая на фразу Лещинского в подвале. – Она и так знает, что вы в Городе. Теперь уйдет в подполье.

– Она в любом случае не прекратит действовать, – неопределенно ответил он.

Раечка с силой рванулась вперед – Кристину чуть не проволокло по старинной брусчатке. Заметив это, Лещинский отобрал у нее поводок.

И снова пришлось почти бежать. Когда собака чуяла след, ее было не остановить. Но порой она теряла его и надолго замирала, старательно нюхая асфальт и давая спутникам передышку. Мелькали пестрые витрины магазинов и вывески кафе. Кристина не представляла, как собака может замечать след в центре Города, где все уже давно затоптано сотнями чужих ног. Но она замечала. Из переплетения узких улочек выбралась на центральный проспект и бодро потрусила по нему, не сворачивая. Миновала несколько перекрестков и наконец остановилась возле...

- Исторический музей?!

В ответ Раечка громко залаяла. Взгляд ее не отрывался от входа в здание исторического музея, похожее на большой старинный особняк. Она поставила лапы на нижние ступеньки высокого крыльца и упоенно лаяла, глядя на массивные двери.

- А перепутать ты не могла? - спросила у нее Кристина. - Может, тебе кажется?

Собака повернула к ней голову. На выпуклом лбу большими буквами было написано, как она оценивает умственные способности своей создательницы. Карие глаза смотрели совершенно по-человечески.

- Придется идти в музей, - признал Лещинский. Его голос снова звучал замороженно, будто инквизитор устал удивляться и вернулся под привычный слой льда. - И собаку вашу, уж простите, обеззвучить. Ну и сделать невидимой, разумеется.

- Не забывайте только обновлять невидимость каждые пять минут, - пожала плечами Кристина. Она сильно сомневалась, что ведьма будет прятаться среди доисторических орудий труда, под царским тронem или среди стеклянных витрин с письмами солдат Великой Отечественной. Но мало ли. Вот говорила ей прошлая глава ковена - кто их разберет, этих столичных ведьм. А уж столичных ведьм из столичных же сект - и подавно.

Лещинский намотал поводок на запястье, заставляя собаку держаться у самой его ноги. Раечка попыталась недовольно заворчать, но из раскрытой пасти не вырвалось ни звука.

- Потерпи, - сказала ей Кристина. - Злой, злой дядька. Потом укусишь его, если захочешь.

Раздался сдавленный смешок. Кристина покосилась на Яржинова, но тот соорудил постную физиономию и усиленно изображал статую, пока Лещинский покупал билеты.

- Лучше бы вы так за магическим фоном следили, Аль, - посоветовала Кристина. - Кстати, что это за имя - Аль?

- Это Александр, - охотно пояснил инквизитор. - В моей группе в институте было четыре Александра и три Александры, мы выкручивались как могли.

Он весело улыбнулся.

- А где вы учились?

- В меде. Вообще-то я врач-офтальмолог...

Кристина хмыкнула. Магия не различала людей по профессиям, рано или поздно дар от Города мог получить кто угодно. Но было забавно представлять этого зеленоволосого парня с указкой у таблицы проверки зрения.

Наконец всю троицу пропустили в первый зал. Залы тянулись по кругу анфиладой: на первом этаже - древность, на втором - экспонаты царских времен, на третьем - двадцатый век и современность. Шаги гулко отдавались от стен. Кроме смотрительниц, в музее не было больше ни души. Смотрительницы - опрятные благообразные старушки - чинно восседали на стульчиках у входа в каждый зал. Некоторые держали в руках вязание, другие читали книги.

Эхо ловило каждый шорох, но Раечка шла по истоптанному паркету совершенно бесшумно, даже не цокая когтями.

- Здесь негде прятаться, - прошептала Кристина. - Это просто глупо.

Собака старательно нюхала пол. Марианна Бойко могла оказаться где угодно. Может быть, она притворялась одной из смотрительниц, или сидела в карете

XVII века, дожидаясь, пока музей закроется на ночь, или пряталась в подвалах среди музейных фондов. Кстати...

– Только идиот будет скрываться в общих залах, – еле слышно сказала Кристина, делая вид, что изучает инсталляцию «Поселение древлян». – А вот в подвалы, где хранятся фонды, редко спускаются. Там можно прятаться сколько угодно.

– Но собака привела ко входу в музей, а не в хранилища, – задумчиво ответил Лещинский.

Раечка крутилась на месте. Казалось, она не чувствует следа – и одновременно пытается сказать, что он везде. Что Марианна Бойко превратилась в музей. Она – это здание. И сейчас наивная глава ковена в компании с инквизиторами ходит внутри ее желудка. Кристина поежилась, отгоняя представшую перед внутренним взглядом картину.

Раечка потерянно ткнулась туда, сюда, шагнула вперед, попятилась назад...

– Дело в чем-то другом, – продолжил Лещинский. – Вряд ли она здесь просто прячется. Слишком примитивно и глупо. Музей для чего-то ей нужен...

– А может, вы переоцениваете свою преступницу – «примитивно, глупо», – проворчала Кристина. Марианна Бойко еще не сделала ничего такого, что заставило бы ее уважать. А страх перед ней и ее сектой успел трансформироваться в раздражение. Пока что от этой ведьмы были сплошные мелкие гадости. То нашествие рекламных фей, то обросшие перьями люди, то поломанный водопровод.

– Я бы хотел ее переоценивать, – без выражения ответил Лещинский. – Но, увы. Секта успела пробудить души нескольких городов. Иваново, Тюмень, даже Киев...

– Вы уверены? Что-то я не слышала о магических катастрофах, которые бы там случались! – Кристина не заметила, как перестала шептать и заговорила почти в полный голос. – А если верить вам, это грозит чуть ли не концом света!

– Кто сказал, что не было катастроф? – еще безжизненнее ответил Лещинский. – Просто они по-разному выражаются... можете связаться с ковенами этих городов, вам расскажут немало интересного. Хотя в чем-то вы правы. Воплощенный дух свирепствовал не больше недели, а потом сектанты брали его под контроль. Мы пока не знаем, зачем им это.

Кристина помолчала. Она смотрела то на Раечку, которая все так же растерянно крутилась на месте, иногда принимаясь неуверенно брести вперед, то на стенды с костюмами времен Киевской Руси. Внутри вскипала ярость.

– Три города. И это только пробужденных. И еще, наверное, с десятков тех, где сектанты пытались что-то сделать, но не смогли или не успели. Катастрофы. Куча следов. И вы до сих пор не можете поймать одну-единственную участницу! – Она отвернулась от стенда и посмотрела Лещинскому в лицо. – Вы точно ее ловите, а не имитируете бурную деятельность?!

Яржинов негромко хмыкнул. Кристине отчего-то показалось – сочувственно.

Светло-серые глаза Лещинского зло вспыхнули, но он тут же прикрыл их, убирая злость под ледяной панцирь.

– Ловлю.

Он хотел добавить что-то еще, возможно, какие-то оправдания... но передумал, мотнул головой и отвернулся. Некоторое время Кристина озадаченно изучала его аккуратную стрижку.

За всем этим стояло что-то еще. Какой-то шлейф прошлого придавал сегодняшним словам и поступкам дополнительное измерение. Но ведьм Города в это прошлое не посвящали. Возможно, правильно делали: ни к чему знать, что означают те или иные расплывчатые реплики и намеки, если ты просто выполняешь свою работу как идеальная машина. Но Кристина никогда не умела действовать как машина. Ее интересовало все, что касалось Города. А это туманное прошлое, в которое оказалась посвящена вся делегация, Города точно касалось. Хотя бы потому, что угрожало водопроводу, который и без того дышал на ладан.

– Извините, – сказала Кристина.

Лещинский резко повернулся к ней. Яржинов вдруг страшно заинтересовался витриной с битыми глиняными кувшинами.

– Не извиняйтесь, вы не сказали ничего оскорбительного. Я должен был сообщить вам больше деталей. И сообщу, как только мы осмотрим музей. Нужно найти спокойное место и поговорить.

– Давно пора, – буркнула Кристина, не сдержавшись. Лещинский весело хмыкнул.

– Люблю людей, которые говорят, что думают, и не раскланиваются.

По музею Раечка брела ужасающе медленно. Куда и подевался тот задор, с которым она неслась по проспекту! За то время, что экспедиция обошла первый этаж, пришлось раз семь обновлять невидимость собаки. Кажется, смотрительницы ничего не заметили. От безделья Кристина успела изучить экспонаты чуть ли не наизусть.

На втором этаже дела шли не лучше. А потом – и на третьем. Собака что-то чуяла, но не могла определиться. След был – и в то же время его не было. Ведьма была – и в то же время не подавала никаких признаков своего существования. Кристине слабо верилось в слова инквизиторов о повышенном уровне аномалий. Преступница виделась ей как туманная тень, которая то ли есть, то ли ее нет. Но все-таки не исчезало смутное ощущение, что в Городе что-то происходит. Просто оно пока скрыто от глаз.

А может, это было самовнушение...

Раечка так и не взяла след.

Проведя в музее два с лишним часа, экспедиция выбралась на улицу. Собаку повели вокруг здания, отвели к соседнему, скрывающемуся в глубине небольшого сквера возле музея, – там хранились фонды. Но Раечку ничего не заинтересовало. Она уныло повесила голову, опустила уши и всем своим видом выражала сожаление.

– Что теперь? – спросила Кристина. – Как собираетесь искать дальше? Допрашивать ведьм и колдунов, сидеть и ждать?

– Нет. – По губам Лещинского скользнула хищная улыбка. – Ждать мы точно не будем. Опрашивать – да... возможно. Но сектантов нужно выманывать и провоцировать, если мы не хотим, чтобы они воплотили дух Города в ближайшую пару дней. Есть беспроегрывные способы. Мне понадобится помощь ведьм. Кристина, нам с вами нужно согласовать стратегию.

– Согласуем, – кивнула та. Перспектива выманывать преступницу нравилась ей больше, чем бесконечные допросы и унылое блуждание по Городу с собакой. – Насколько это секретно? Кого можно посвящать?

– Для начала нужно тихое место без магических существ и человек пятнадцать самых проверенных ведьм. Колдунов из ложи привлекать пока не будем. Не раньше, чем с ними пообщается Игорь Игоревич. Он отлично умеет чувствовать фальшь и нестыковки, даже если разговор вообще не о беглых преступницах и свидетельских показаниях, – Лещинский снова хищно усмехнулся. – Кристина, это важно: нужно место без магических существ. Их мы введем в игру позже.

Игра. Это уже было интересно. Это было куда интереснее, чем блуждание по подвалам.

– Дождемся сумерек, – сказала Кристина. – Будет вам тихое место.

Глава 7

Однажды Кристина работала в избирательной комиссии. Выбирали мэра Города. Члены комиссии трудились с раннего утра до позднего вечера, а потом, когда закрывались участки, – садились за подсчет голосов. Шуршали бумажки, бубнили монотонные голоса, в воздухе стоял кислый запах растворимого кофе, разбавленный подозрительно сладковатым сигаретным духом. Глухо лязгали челюсти от зевков в кулак. То и дело доносились тяжелые вздохи.

Сейчас обстановка в ведьмовском офисе очень напоминала тот участок.

Колдунов было не видно и не слышно. Огромный стол конференц-зала толстым слоем покрывали бумаги. Раньше Кристина и не подозревала, что в шкафах офиса лежит столько папок с отчетами, списками, описями и кто знает чем еще. Ведьмы сновали туда-сюда с новыми и новыми бумажными стопками. А властвовал над всем этим Семен Никитич. Он стоял во главе стола, расставив ноги, как капитан пиратского брига, и командовал:

– Перечни магических существ – направо! По районам рассортировали? Рассортируйте... Как нет по районам? Безобразие! Составьте новые перечни! Да, прямо сейчас! А это у нас что – заявления на отпуск? В отдельную папочку их мне вместе с зарплатными ведомостями за последние сто лет!

Увидев эту картину, Лещинский нахмурился. Стрелы бровей сошлись на переносице, и Кристина услышала, как он в сердцах бурчит себе под нос:

– Ничего нельзя поручить!

Раечка, увязавшаяся за хозяйкой в офис, громко твякнула. Шорох затих, голоса умолкли. Семен Никитич как-то даже съежился, будто его застали врасплох.

– Перерыв, – сказал Лещинский абсолютно спокойно, но от этого тона почему-то пробирала дрожь. – Семен Никитич, на минутку. Дамы, соберите эти бумаги, они больше не понадобятся.

– Здесь еще не все... – начал Семен Никитич, но осекся под ничего не выражающим взглядом прозрачных глаз. Затем выскочил из-за стола и метнулся к двери.

– Тьфу! – выдохнула Лера, когда инквизиторы скрылись в коридоре. Остался только Яржинов, изучающий бумажные горы взглядом, каким пятилетние дети смотрят на свежие пушистые сугробы: упасть бы да вывалиться от души! – Где вы были раньше? Катькины буквоеды уже уставать начали! А они, между прочим, электронные и уставать не могут в принципе!

– Им просто нужна подзарядка, – раздалось от двери. Вошла Катарина, неся очередную стопку бумаг, пахнувших краской для принтера. – А где...

– Брось это, – посоветовала Кристина. – Можете пока выпить кофе.

Ведьмы переглянулись. Услышав о кофе, Лера подскочила к Кате, схватила за руку и потащила за собой из конференц-зала. Катарина запротестовала, но было уже поздно. Дверь за ними закрылась.

Почему-то Кристине казалось, что они отправились вовсе не за кофе. Вспомнился тот утренний заговор с дегустацией кошачьего корма...

Ладно, захотят – сами скажут. Она соткала простенький узор, заставляя бумажки улечься в аккуратную стопку. Стопка угрожающе закачалась под собственным весом. Кристина добавила стабилизирующих чар.

– Буквоеды? – протянул Яржинов, плюхаясь на стол. – Интересненько... Не расскажете? Куда ушла их хозяйка, кстати?

Катарину утащили так быстро, что он не успел заметить. Другая ведьма, новенькая по имени Света, подошла к нему и устроилась на другом краю стола.

– А тебе именно она нужна? Я тоже могу рассказать...

«Ну началось», – подумала Кристина. Тут дверь открылась, и появился Лещинский. За ним плелся насупленный Семен Никитич.

– Собрали бумаги? – бодро спросил Лещинский. – Отлично. Выделите, пожалуйста, Семену Никитичу отдельное помещение в спокойном тихом месте. Он сможет поработать там с документами самостоятельно, никого не тревожа. А мы пока пообщаемся с ведьмами на тему магических аномалий... ну и других вещей по мелочи. Кристина, остальные ведьмы здесь?

Он подхватил бумажную кипу и сунул ее в руки Семену Никитичу. Тот покачнулся от неожиданности. Верхняя часть кипы накренилась, но фиксирующие чары держали крепко.

– Куда? Я не могу! – возмутился глава регионального управления. – Я обязан присутствовать при беседе и быть в курсе дел! Бумаги подождут!

– Не подождут, Семен Никитич. Иначе придется отправить вас вместе с ними в столицу, чтобы вас ничто не отвлекало, – зловеще посулил Лещинский. – Не теряйте времени.

– Э... Света, проводи его в бывший кабинет Раисы Петровны, – сказала Кристина. Сложные отношения инквизиторов пока оставались загадкой, но, кажется, ведьм и колдунов только что ловко избавили от назойливого присутствия Семена Никитича. – И позови остальных!

Когда глава регионального управления, спотыкаясь, вышел из конференц-зала, там сразу стало больше места. В дверях он чуть не столкнулся с Катей и Лерой. Те вернулись из своей таинственной отлучки. На лицах поселилось умиротворенное выражение. «Прячется», – расслышала Кристина. Под ее взглядом ведьмочки тут же отпрянули друг от друга и перестали шептаться. Она еще некоторое время задумчиво изучала их. Прячется, значит. Кто у них там прячется? Или что? Так взять бы за шкуру да потряхнуть хорошенько...

– Как-то вы на них очень кровожадно смотрите, – хмыкнул Лещинский над самым ухом. – Все в порядке?

– О да. – Кристина стряхнула оцепенение и повернулась к нему. – В полном. Я здесь нужна? Если нет, то отлучусь по делам, пообщайтесь с ведьмами сами.

– Доверяете? – улыбнулся инквизитор. – Хорошо, идите. Не забудьте, что обещали мне разговор в тихом месте.

– Ведьмы ничего не забывают, – назидательно поведала Кристина. И отправилась решать судьбу собак, о которых забыла вчера вечером.

Денег, конечно, понадобилась прорва. Пока Кристина искала машину, связывалась с приютом, выслушивала список требований, заказывала стройматериалы для вольеров и помогала ловить собак, прошло несколько часов. В офисе осталась только Раечка. Она еще могла пригодиться.

Когда Кристина вернулась, уже начинало темнеть. Окна конференц-зала ярко светились. Холл пустовал.

Она неслышно прокралась по нему к диванам, резко опустилась на колени и заглянула под днище.

Там ожидаемо никого не оказалось.

«Прячется», – вспомнилось Кристине. Лера с Катариной шептались, что некто прячется. И, наверное, в холле, раз уж они кормили его здесь кошачьим кормом.

Она принялась заглядывать под все диваны и кресла, перемещаясь короткими перебежками. Иногда возвращалась к уже осмотренному дивану, чтобы застать врасплох того, кто под ним сидел. Но никого не увидела.

А может, за кадками? Кадки с пальмами украшали два дальних угла холла. Кристина двинулась к ним. Наклонилась... и услышала шорох за спиной.

Она резко обернулась. У одного из диванов промелькнула серая тень. Или показалось? Кристина бросилась туда, плюхнулась на колени, заглянула под диван, чуть ли не засовывая туда голову... Никого!

Издеваются эти девчонки, что ли?

Она пропустила момент, когда в коридоре раздались шаги. В следующий миг с порога донеслось:

– Вы что-то потеряли?

Кристина выпрямилась, медленно и с достоинством, встала и оглянулась на вошедших. Ведьмы, Лещинский и Яржинов уже освободились и спустились вниз.

– Да, – сказала она. – Деньги уронила.

– Хм. – Взгляд Лещинского еще некоторое время был направлен куда-то вниз. – Если вы вернулись...

– Да. Я помню, – Кристина шагнула к нему. Яржинов отирался неподалеку, то и дело поворачиваясь к ним любопытным ухом. – Вам пора познакомиться с «Фонариком». Отличное место.

* * *

Сегодня «Фонарик» забрался в глубину центрального парка. Он вырос в гуще давно не стриженных деревьев и смотрелся так, будто всегда там стоял: старинный уличный фонарь в причудливой металлической оправе и с желтоватым стеклом, по которому танцевал узор теней. То ли их отбрасывали ветки, покачивавшиеся совсем рядом, то ли так причудливо сплетались лучи дальнего света машин, проезжавших по дороге.

Но дорога была слишком далеко, чтобы свет фар мог сюда достать. А ветки не могли отбрасывать такую тень в вечерней полутьме...

Кристина взяла Лещинского за руку и коснулась фонаря кончиками пальцев. Мигнула, сменяясь, реальность – и вот они уже стояли в просторном, но уютном зале кафе.

В центре зала журчал фонтанчик, капли сверкали золотом в желтоватом свете, лившемся из-под абажуров настенных ламп под самым потолком. У дальней стены высилась стойка, за которой поблескивала боками кофемашина, а на полках выстроились в ряд банки с чаем, ягодами, вареньем и сиропами. Беспорядочно разбросанные по залу столики пустовали. Стемнело совсем недавно – «Фонарик» только открылся. За стойкой никого не было. А за выпуклыми, как пухлятые бока фонаря, окнами...

– Мы что, внутри? – с любопытством спросил Лещинский, глядя, как за толстым стеклом покачиваются темные ветки. Сейчас они казались гигантскими – каждый листок величиной с голову.

– Никто точно не знает, – ответила Кристина. – Возможно, внутри. Может быть, в другом измерении. Когда-то это место создала Вера Кунцман, если ее имя вам о чем-то говорит. С тех пор менялся только интерьер... А еще здешние чары не позволяют никому подслушать чужой разговор. Здесь постоянно собираются ведьмы и колдуны, но они ничего не заподозрят.

И она коснулась оконной рамы, чтобы через мгновение снова оказаться снаружи, где у невысокого фонарного столба топтался изумленный Яржинов.

– Теперь «Фонарик» вас запомнил, – сказала Кристина обоим инквизиторам, перенеся в кафе и Аля. – Если вам захочется сюда прийти – вы почувствуете, где его искать. Но работает он только в темное время суток.

– Надо же, Вера Кунцман, – задумчиво произнес Лещинский. – Пятисотлетняя ведьма. Я был с ней знаком... недолгое время. Легендарная личность.

– Знакомы? С ней? – Кристина вытаращила глаза. – Разве она не умерла в тысяча восемьсот...

– Нет, чуть позже, – рассмеялся он. – Я помогал ей пересечь Границу. Чем старше маг, тем болезненнее этот процесс.

Значит, помогал умереть. Сколько же тогда тебе лет? Впрочем, Кристина не задала этот вопрос вслух. И без того было ясно, что среди высших инквизиторов нет никого младше ста.

В зале появилась ведьма, потом еще одна. Они просто возникали из воздуха. Кивнули Кристине, здороваясь, с легким подозрением покосились на инквизиторов и уверенно направились к барной стойке.

– Там же нет никого, – моргнул Яржинов.

– Как это нет? – ответила Кристина.

– Добрый вечер, – поздоровалась первая ведьма с воздухом. – Пожалуйста, горячее молоко с клубничным сиропом.

– И вам добрый вечер, – отозвались из пустоты.

Звякнула посуда. Загудело что-то, невидимое за спинами ведьм, хлопнула дверца холодильника, щелкнул замочек шкафа с припасами, большая чашка взлетела в воздух и аккуратно приземлилась на стойку... Ковшик с молоком подлетел к ней, и носик навис как раз над серединой. Потом над чашкой запорхал тюбик с сиропом.

– Хотя технически вы правы, – философски продолжила Кристина. – Там никого нет. И в то же время есть. Когда Вера Кунцман создавала кафе, она скопировала умения одного модного столичного повара... только умения, без души и без тела... и поселила их здесь. Потом другая глава ковена заменила их на умения более современного бармена, году в двухтысячном. Считать их живыми или нет – сложный вопрос.

Яржинов молча потряс зеленоволосой головой и отправился к барной стойке. В зале появилось еще несколько ведьм и колдунов. Образовалась небольшая очередь, но быстро рассосалась.

– Я бы выпила кофе с молоком, а то и чего покрепче, – сообщила Кристина и тоже зашагала к несуществующему бармену.

Через пять минут они с Лещинским заняли столик в дальнем углу, наполовину скрытый пышными листьями папоротника на подставке. Посреди папоротникового куста пылал алый цветок. Это была одна из шуток Веры Кунцман.

– Итак, – проговорил Лещинский, положив подбородок на скрещенные пальцы рук. – Что же вам рассказать...

– О секте расскажите, – быстро ответила Кристина. – Если, конечно, можете. Я понимаю, что вы сами не знаете, чего они хотят, но хоть что-то об их мотивах вы же знаете? Есть у них какая-то идея, верование?

– Есть. – Инквизитор не переменил позу. Так и сидел, расслабленно подперев руками голову и разговаривая вполголоса, отчего его тон казался каким-то мурлычущим. – Они верят, что вот-вот появится некое чудовище, способное уничтожить всех людей. Больше нам ничего не известно. Может быть, они считают, что с ним можно справиться при помощи душ городов. Или приносят эти души ему в жертву. Второе даже вероятнее, потому что пробужденные души очень скоро исчезали, да и в остальном... там было очень нечисто.

– Вот. Теперь про души. Что будет, если пробудить душу Города? У нас хороший Город, вы сами сказали, что он вам нравится! – Получилось по-детски, но Кристина не обращала внимания. Она не могла поверить, что сейчас получит хоть какие-то ответы, которые прольют свет на все это темное дело,

становящееся все более мутным с каждым часом. – Почему это плохо?

– Сами не знаем, – буднично признался Лещинский. – Я имею в виду – не знаем, почему случается то, что случается. А что происходило в городах...

Он выпрямился, положив руки на стол. Коснулся своей чашки, в которой дымился угольно-черный кофе.

– Когда просыпается дух города, люди как с цепи срываются. Моментаально подскакивает уровень преступности. По улицам опасно ходить. На каждом шагу могут ограбить, избить... что угодно. Бьют окна, жгут машины, издеваются над животными. В квартирах – семейные склоки и драки, в магазинах – грабежи и нападения на кассиров. С пробуждением души города просыпается все самое темное, что может быть в людях. Почему так происходит, мы не знаем. Вы правы, у хорошего города должна быть светлая душа.

– Так, может, сектанты пробуждали не душу, а что-то другое? – усомнилась Кристина.

– Что, например? – Лещинский слегка усмехнулся.

– Не знаю. Я не так давно стала главой ковена. За все это время усвоила одну вещь: магия непознаваема до конца. Всегда найдется что-то, о чем мы понятия не имеем...

Кристина обхватила свою чашку ладонями. Было одновременно холодно и жарко. Горячие стенки обожгли кожу, и она отдернула пальцы. Схватила ложечку, начала ковырять кусочки абрикосов в желе на поверхности пирожного.

– Согласен. – Лещинский в задумчивости потер подбородок. – И все же по всем признакам это была душа города. Дело в том, что я застал спиритические эксперименты Дэниэла Хьюма...

– Хьюма?! – не выдержала Кристина. Известный медиум числился в какой-то из зарубежных лож в девятнадцатом веке, она точно знала. Его в числе прочих приводили в пример, рассказывая ведьмам, как в открытую пользоваться магией и в то же время заставить людей поверить, что все это лишь ловкость рук.

Хьюма приглашали даже к русскому царю – провести спиритический ритуал. Мать-магия! Еще сильнее захотелось спросить, сколько Лещинскому лет.

– Я тогда был совсем молод, – хмыкнул он, словно прочитав ее мысли. – Так вот, Хьюма знали не только любители пощекотать нервы общением с покойными. Он был первым, кто пробудил душу города при помощи ритуала. Ритуал он тоже придумал сам. В то время маги экспериментировали смелее, чем сейчас. Хьюм проводил ритуал, а мы смотрели – целая толпа любопытных... Он пробудил душу Сан-Франциско. Это был относительно молодой город в то время. И в нем уже зародилось магическое сердце, но еще спало. Никто не мог черпать из него силу, оно никого не наделяло способностями. И когда пробуждается душа города – это видно. В небе светится магический узор, потом над городом ненадолго зависает туманная сущность. Она похожа на животное, но на несуществующее животное, знаете, их любят придумывать для фильмов об инопланетянах, – усмехнулся инквизитор. – Сначала эта сущность похожа на обычные облака, но в течение недели конденсируется, сгущается, приобретает форму... и приходит в движение.

– И убегает? – полушепотом спросила Кристина. Ей ясно представился небывалый зверь в небе над городскими огнями. Зверь отчего-то светился зеленым. А потом он махнул пушистым хвостом и на мягких лапах помчался к горизонту.

– Первая душа, которую пробудил Хьюм, скрылась на улицах города. А все остальные просто пропадают. Скорее всего, их захватывают сектанты.

К образу зверя добавились клетка с толстыми прутьями, ошейник и короткая цепь.

– И поэтому все эти беспорядки в городах длятся не больше недели? Вы говорили, – сказала Кристина. – За неделю душа конденсируется, и ее ловят?

– Именно. Только после эксперимента Хьюма не было никаких беспорядков. Точнее... время тогда вообще было беспокойное, но ничего особо не изменилось.

– Так, может, вы потому и не заметили, что время было беспокойное?

Лещинский пожал плечами.

– Сейчас можно думать что угодно. Я такого не помню. Ну а современные души... Те инквизиторы, которые ловили преступницу до меня, пытались перехватить над ними контроль. У них не получилось. В распоряжении сектантов какие-то сильные чары или другое оружие, о сути которого мы можем только догадываться. Они могут многое, на что не способна даже инквизиция.

Его губы сжались в тонкую полоску, пальцы стиснулись в кулак до побелевших костяшек. Кристина его понимала. Беспомощность – само по себе плохо, а уж беспомощность перед преступником... И в то же время ей стало страшно. По спине побежал холодок, растекся по кончикам пальцев, заставляя их неприятно неметь. Сильные чары... Известное оружие... Известное, но очень могущественное. Способное подчинять души городов, а может быть, и делать их злыми. Способное вербовать всех без исключения противников, кроме инквизиторов...

Но об этом известно было лишь со слов самих инквизиторов.

– А вы сами пытались перехватить контроль над душами городов? – спросила Кристина.

– Когда на розыски бросили меня, – без улыбки ответил Лещинский, – сектанты больше не пробудили ни одной души. Они прибывали в новые города, но скоро были вынуждены уйти. Бежали все дальше, пока не оказались здесь. Так что стратегия, которую я собираюсь использовать, дает эффект.

Кристина закусила губу, переваривая услышанное. Щеки пылали. Они всегда пылали от избытка впечатлений. Значит, пробужденные души... беспорядки и поток злобы в мирных и добрых прежде городах... и неизвестные мощные чары... И другие инквизиторы. Значит, Лещинский не так давно разыскивает эту Марианну Бойко. А Кристина в музее обвиняла его... Она нервно схватилась за чашку и отхлебнула кофе. Теперь все казалось понятным. Но загадка, тот самый шлейф прошлого, никуда не исчезла. Лишь затаилась, прячась за ясными картинами, в которые теперь складывались события.

Почему Лещинского не бросили на розыски раньше, а ждали, пока преступница пробудит еще несколько городов? И почему бросили именно его? К тому же в компании злорадно хмыкающего Семена Никитича, который явно знал что-то неприятное...

Но обо всем этом Лещинский не сказал ни слова. Ловко обошел молчанием и это, и свою загадочную мигрень, разыгравшуюся, когда он рассказывал о преступнице. И то, что его связывало с преступницей. Кристина почти не сомневалась – что-то точно связывало. Но не спрашивать же в лоб...

– Вы притихли, – спокойно заметил Лещинский, тоже берясь за свой кофе. Кристина нервно воткнула ложечку в пирожное.

– Да так. Думаю. Зря вы пьете на ночь такой крепкий, – она говорила первое, что взбредет в голову, как всегда, когда пребывала в растрепанных чувствах.

– Что? – Инквизитор усмехнулся. – Спасибо за беспокойство. Это не имеет значения. К тому же сейчас никто не будет спать. Сначала мы с вами договоримся о завтрашней стратегии, а потом можно провести ритуал для ограничения магии. Поздний вечер – для него самое время.

– Ну вот. – Кристина от неожиданности уронила ложечку. – Опять вы... А так хорошо сидели.

Лещинский негромко рассмеялся.

– Жаль вас разочаровывать, но это необходимо. И без магии никто не останется. Будет ограничение. Оно скажется на интенсивности чар, а не отменит их. Магические существа ослабеют. Тех же персонажей рекламы станет проще ловить. Сильные маги, возможно, даже не заметят разницы... Кристина, не дуйте губы, вы кажетесь ребенком. У меня такое впечатление, что я уговариваю вас идти в детский сад, а вам не нравится тихий час и невкусный суп.

– Ну, я не несу ответственности за то, что вам кажется, – фыркнула Кристина. – Ладно. Я понимаю, что это нужно. Проведем ваш ритуал... Кстати, о детских садах. Сколько вам лет?

Вопрос все-таки вырвался, хотя она отчаянно пыталась сдержать любопытство. Но оно оказалось сильнее. Ну и ладно. И пусть инквизитор считает ее бесцеремонной. Ведьмы редко скрывают свой настоящий характер.

– Давайте не будем об этом, – развеселился Лещинский. – Не люблю, когда красивые девушки смотрят на меня как на старика. Уж простите старика за такую причуду.

Кристина тоже прыснула в чашку, чудом не расплескав кофе.

– Если не любите, так, может, надо помалкивать, что видели Хьюма? Ладно, молчите. На старика вы не тянете. Буду считать, что вам тридцать пять, и добавлять сотню или две... под настроение.

– Спасибо, что не тысячу, – вздохнул инквизитор. Они ненадолго замерли, глядя друг на друга и посмеиваясь. Когда Лещинский смеялся, он не казался таким пугающе замороженным. Кристине некстати вспомнились его слова – «если доживу». Спросить, что ли, если ситуация располагает?

– А что...

– Теперь насчет того, как выманить преступницу. – Он ловко перебил Кристину, как будто случайно, но она готова была поклясться, что намеренно. Предугадал вопрос и поспешил отвлечь. – Как ни странно, сектантов пугают техногенные катастрофы. Любого масштаба. От мелких аварий до взрывов, уносящих жизни. Но, конечно, чем масштабнее катастрофа, тем сильнее они нервничают. А когда они нервничают, они начинают делать глупости и выдают себя. В Ростове мы чуть не схватили преступницу с ее сообщниками. Тогда они вывернулись. В этот раз... думаю, не должны.

– Все-таки вы не оставите в покое наш водопровод, да? – вздохнула Кристина.

– Что? – опешил Лещинский. Он успел напрочь забыть о несчастных жителях «сталинки», обросших перьями из-за отсутствия воды. – О дьявол, при чем здесь ваш водопровод? Выберем что-нибудь другое, не настолько... хм... болезненное. Я затем и позвал вас, чтобы договориться!

– Ну ладно. – Кристина задумалась. – А почему они боятся техногенных катастроф? Может, они боятся как все нормальные люди? Никому не понравится взрыв на химзаводе... или поломка водопровода.

Снова услышав о водопроводе, Лещинский мученически возвел глаза.

– Они начинают делать глупости, – повторил он. – Торопятся. Пытаются провести длительный ритуал оживления за десять минут. Или отправляют патрулировать улицы толпу магических существ, которых видят простые люди, и потом приходится кропотливо заметать следы. Или пытаются заколдовать главу ковена или главу ложи, чтобы получить доступ к магическому сердцу города.

Тут Кристина вздрогнула.

– И тогда их можно брать голыми руками, если подготовиться. В прошлый раз я плохо подготовился, и они прорвали оцепление, но в этот раз такого быть не должно.

– Но должна же быть причина! – Кристина не успокаивалась, ей казалось, что она упускает что-то очень важное. – И потом, здесь какое-то несоответствие. Вы говорите, они боятся этих техногенных аварий. Но преступница сама устроила аварию водопровода! Выходит, они...

Когда слово «водопровод» прозвучало в третий раз, Лещинский страдальчески уронил лоб в ладонь. Кристина скрипнула зубами.

– Нет, послушайте! Выходит, они боятся, только если эти аварии устраивает кто-то другой? А почему? Боятся, что он опередит их? Или боятся не успеть? Если после аварий они начинают торопиться, идут на риск, теряют голову, то, наверное, боятся не успеть. Возможно, все эти аварии для них – признак приближения того чудовища, в которое они верят?

– Возможно. – Лещинский поднял голову. – Все возможно. Только при чем здесь души городов?

– Это уже вопрос не ко мне, – произнесла Кристина вяло. Она выдохлась. Зато сказала все, что хотела. Конечно, инквизиция наверняка уже пришла ко всем этим выводам, но она должна была сказать. Просто на всякий случай. Теперь оставалось думать.

Какое чудовище может приближаться, давая о себе знать техногенными катастрофами? Кристину пробрала дрожь, когда она попыталась представить, что это может быть. Попыталась, но так и не смогла.

Зачем это чудовище сектантам? Почему они действуют в одиночку, а не выложат все, что знают, инквизиции и магическому сообществу? Они хотят покорить монстра, уничтожить или задобрить, став его первыми жрецами?

Или все иначе? И никакого чудовища нет, а у инквизиции неправильные данные? И секта пытается повернуть какое-то совершенно другое дело?

– Ладно, – сказала Кристина, одним махом допивая остывший кофе. – Нет смысла гадать. Мы все узнаем точно, только если поймаем хоть одного сектанта. Кстати, как вы собираетесь их ловить после ритуала по ограничению магии? Вам же сложнее будет.

– Инквизиции – не будет. На антимагию ограничение не распространяется. Антимагия – это не магия, – сообщил Лещинский, глядя на Кристину с легкой опаской, будто боялся, что она сейчас швырнет в него недоеденное пирожное. Но новость ее не удивила. Кто бы сомневался, что инквизиторы оставят себе лазейку.

– Ладно... – повторила она, рассеянно постукивая ложечкой о блюдце. – Тогда нужна безвредная, но эффектная катастрофа... По-моему, это невозможно. Но я не могу позволить, чтобы пострадали люди!

– От физического вреда вы можете защитить их заранее. Сплетите какой-нибудь заговор, – сказал Лещинский. – А материальный я могу возместить.

– Что, из своего кармана? – сощурилась Кристина. – Инквизиция не такая нищая, как притворяется, или у вас фонд на такие случаи?

– Если региональное управление господина Муравьева предпочитает побираться, это их дело, – чуть раздраженно ответил он. – У меня есть деньги. Это ваш Город, подумайте, какую катастрофу здесь удобнее устроить. В Ростове мы обрушили несколько недостроенных зданий и... – Он замаялся. – Устроили прорыв водопровода, но если это такая больная тема...

Кристина посмотрела на него. Потом, не выдержав, расхохоталась. Инквизитор сдержанно хмыкнул. Не понимал, над чем она смеется. Да она и сама не смогла бы объяснить. Наверное, просто не выдерживали нервы.

- Обрушили... - пробормотала она, резко прекратив смеяться и уставившись на пирожное. - Обрушили...

Потом отломилась ложечкой кусок лакомства и отправила в рот. Идея была где-то рядом. Вертелась на краю сознания, не давая себя поймать. Лещинский благоразумно помалкивал, чтобы не мешать. А мог бы и помочь! Обозлившись, Кристина вскинула на него глаза... и тут идея наконец возникла на поверхности.

- Обрушим парочку жилых домов. Из-за проседания грунта, вызванного строительством по соседству. Годится?

- Вполне, - невозмутимо кивнул инквизитор. - Только как вы обрушите дома, не навредив людям?

- Постепенно, - отрезала Кристина. - Такой удобный случай! В центре полно дореволюционных зданий. Рядом строят офисный центр. Почва проседает. Старые стены и фундаменты не выдержат. Те дома уже давно аварийные. Они начнут трескаться, людей эвакуируют, и после этого все обвалится окончательно. И вам не придется ни за что платить, потому что новое жилье для людей купят за счет городского бюджета. - Она почувствовала, как губы против воли растягиваются в зловещей ухмылке: - Обязательно купят. Просто не смогут отказать, когда их попросят об этом ведьмы.

- Не хотел бы я быть мэром вашего Города, - заметил Лещинский себе под нос. На это Кристина раздраженно фыркнула.

- Лучше скажите, смогу ли я сплести все нужные чары после вашего ритуала.

- Да, сможете, - ответил он. - Тем более если все будет происходить постепенно... Думаю, сможете. Если что-то пойдет не так, я буду рядом и отменю магическое воздействие.

- Тогда ладно.

Кристина встряхнула головой, выныривая из разговора, как из бездонной толщи воды. В ее мир хлынули звуки, запахи и цвета, которых она не замечала, сосредоточившись на деле. Донеслись разговоры, смешки, весь тот шум, какой обычно стоит в людном помещении, в котором каждый болтает о своем. Она не могла разобрать ни слова – действовали чары Веры Кунцман. Умопомрачительно смешивались запахи кофе, корицы, ванили и шоколада. Переливались искры в каплях воды в фонтане, отблески танцевали на листьях папоротника и медово-коричневых оконных стеклах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haimovich_hanna/k-nam-edet-inkvizitor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)